Человек, научивший мир читать. История Великой информационной революции

Автор:
Ксения Чепикова

Человек, научивший мир читать. История Великой информационной революции

Ксения Чепикова

Цифровая история. Интеллектуальный бестселлер

Мы живем в эпоху новой информационной революции, когда гаджет размером с ладонь обеспечивает доступ ко всем знаниям человечества. Мог ли кто-то, кроме самых смелых писателей-фантастов, вообразить подобное еще полвека назад? Эта увлекательная книга посвящена истории великой информационной революции – массовому распространению печатного текста как основного носителя информации, и одному из ее главных героев, создателю первой в мире издательской империи Кристофу Плантену.

Сын слуги, чудом получивший хорошее образование; безвестный подмастерье без средств и связей, перевернувший печатный бизнес, монополизированный несколькими кланами; преступник, разыскиваемый католическими властями, и официальный типограф испанского короля; тайный религиозный сектант и издатель самых передовых и научных трудов своего времени. Кристоф Плантен принес печатную книгу в каждый дом, сделав ее действительно массовой и доступной для всех. Биография Плантена – это история стремительных взлетов и сокрушительных падений: несколько раз он терял почти все и отстраивал свою империю заново. Как ему это удавалось? И вообще, каково это быть пионером новых информационных технологий, бизнес-стратегий и маркетинговых решений в хай-тек сфере XVI столетия?

«Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание, но именно Кристоф Плантен создал массовое книгоиздание и упаковал в книги большие массивы информации. Перед вами первая на русском языке биография Стива Джобса и Билла Гейтса XVI века: изящная, увлекательная и вдохновляющая история о прорыве в

будущее».

Егор Яковлев, директор научно-просветительского проекта «Цифровая история»

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Ксения Чепикова

Человек, научивший мир читать. История Великой информационной революции

Вместо предисловия

Пионеры информационной революции

Хмурым печальным октябрьским днем 1585 года вереница повозок и карет с беженцами покидала еще недавно богатый и процветающий Антверпен. После долгой изнурительной осады испанская армия, наконец, вернула Его католическому Величеству контроль над непокорным городом, который несколько лет назад примкнул к нидерландским бунтовщикам в их борьбе за независимость от испанской монархии. Католические власти приказывают протестантам – а это более половины населения – под страхом смерти как можно скорее навсегда покинуть город, оставив все, что не смогут увезти с собой. Уезжают и многие католики: они по горло сыты войной и понимают, что ничего хорошего Антверпен в будущем не ждет. Этот небольшой и далеко не самый значительный эпизод Восьмидесятилетней войны становится огромной трагедией для крупнейшей торговой метрополии севернее Альп, еще недавно находившейся на пике роста и успеха. Никогда больше Антверпену не суждено достигнуть прежнего величия.

Спасающиеся от преследований жители – пассажиры карет и всадники – наблюдают странную картину: какой-то безумец не бежит из города, а направляется прямо туда, в лапы жестоких испанцев. Безумца зовут Кристоф Плантен. Он известен в Антверпене как типограф и издатель, основатель и глава крупнейшего в Европе, а то и в целом мире типографического предприятия, наводнившего своей продукцией Старый и Новый свет. По некогда шумному и полному жизни, а теперь стремительно пустеющему городу бродят недобро настроенные солдаты, обстановка гнетущая. Торговля и производство остановились – люди стараются не выходить на улицу без крайней надобности, все затаились и выжидают, что же последует дальше. Начнутся ли аресты и казни? Последует ли разгром города? Стоит ли бояться за свою жизнь и имущество?

Зачем Кристоф Плантен, недавно переехавший в сытый и спокойный Лейден, возвращается в занятый испанцами Антверпен? Он, конечно, не протестант, а, как сам он постоянно утверждает, вполне приличный католик, но сильно ли это обстоятельство помогало ему до сих пор? Разве не от испанских властей, обвинивших печатника в ереси и измене, ему пришлось скрываться полтора года, потеряв свое только что вышедшее на промышленные обороты предприятие и все имущество? Не он ли дрожал от страха пять лет спустя, каждую минуту ожидая ареста, когда для усмирения Нидерландов там появилась армия герцога Альбы и началась охота за всяческого рода «неблагонадежными»? Разве не испанские солдаты при разгроме Антверпена подожгли типографию, разнесли дом, чуть не убили самого типографа и его семью, а потом забрали все деньги? И не стоило ли ему перед поездкой вспомнить о том, что он был и по-прежнему остается официальным типографом голландских Генеральных Штатов – тех самых, что руководят войной за независимость? Недостаточно натерпелся от испанцев? Совсем не боится за свою жизнь?

Кристофу Плантену уже 65 лет. В мирном университетском Лейдене, где его уважают и любят, работает один из филиалов типографии – налаженный и прибыльный бизнес. Этого вполне хватит на безбедную старость одному из самых богатых предпринимателей Нидерландов. Не пора ли на заслуженный отдых? Типография в Антверпене, с которой все начиналось, дело всей жизни – под управлением зятя, которому Плантен полностью доверяет. Правда, этот типографический гигант в связи с войной и осадой сейчас переживает не лучшие времена. Но стоит ли на старости лет бросать спокойную жизнь и снова погружаться в бесконечные деловые проблемы и передряги? Снова бороться с обстоятельствами, рискуя всем…

Или все-таки стоит? И вот почему он рвется обратно в Антверпен: уверен, что только он сможет поправить положение в этих крайне неблагоприятных обстоятельствах и вновь привести к процветанию предприятие, которое он когда-то построил с нуля и превратил в одну из самых больших бизнес-империй Европы. Ситуация серьезная, но ведь ему не раз приходилось начинать все сначала. Этот кризис – далеко не первый. Бывало и хуже… Он стар, но еще не готов сдаться. Не потому ли Officina Plantiniana стала крупнейшим издательством и первой типографией промышленного уровня в мире? Потому, что ее основатель – человек, научивший мир читать, – не привык сдаваться?

Лучше всего его жизнь и карьеру можно описать метафорой боксерского поединка: боец получает удар, падает, поднимается; снова сокрушительный удар, опять падает и опять поднимается – до победы. Плантен выстоял много раундов. Каждый из ударов судьбы мог отправить его в нокаут – стать последним и для типографии, и для него лично. Но он вставал. Снова и снова. Человек, превративший печатную книгу из роскоши для немногих в продукт массового повседневного потребления и основной носитель информации. С этого все и началось…

* * *

Мы с вами живем в эпоху информационной революции. Поколение, родившееся в 1940-х годах во времена радио, с бурным восторгом наблюдало распространение телевидения, появление видеомагнитофона и персонального компьютера. С доверчивым удивлением – изобретение мобильной связи и интернета. С осторожным любопытством – виртуальной реальности, социальных сетей, планшетов и смартфонов. Люди, которые в детстве общались с родственниками и друзьями, живущими в другом городе, с помощью писем и телеграмм, а новости и другую информацию получали только из газет и книг, теперь живут в мире мобильного интернета, облачных хранилищ, социальных сетей и онлайн-трансляций. Они могут не только прочитать, но и увидеть, что прямо сейчас происходит почти в любой точке планеты. Небольшое плоское устройство размером с ладонь обеспечивает доступ ко всем знаниям мира. Мог ли кто-то вообразить такое в 1950 году, кроме самых смелых писателей-фантастов?

Но не стоит думать, что мы живем в исключительное время расцвета человеческого интеллекта, подобного которому никогда еще не было. Просто по историческим меркам четвертая информационная революция, начавшаяся с

появлением микропроцессора, происходит молниеносно: всего несколько десятилетий – и мир изменился до неузнаваемости и продолжает стремительно меняться. Первая информационная революция – изобретение и распространение письменности, растянулась на тысячелетия. Третья, связанная с изобретением телеграфа, телефона и радио, с помощью которых можно передавать информацию на большое расстояние, произошла достаточно быстро, за каких-то сто лет, завершившись появлением телевидения.

Письменность – знаковая система для хранения и передачи речи и любых других данных. Неизвестно, кому и когда первому пришла в голову эта прекрасная мысль – в каждой древней культуре находился свой ленивый гений, которому надоедало повторять что-то много раз, или мудрец, который хотел непременно сохранить сакральные и другие важные знания для потомков. Мифы разных народов в один голос утверждают, что письменность – дар богов, иногда ее изобретение приписывают легендарным героям.

Мысль можно выразить по-разному. Словами. Графически. Наскальные рисунки, например. Но прошли тысячелетия, прежде чем появилась связь между вербальными и графическими символами. Первые виды письменности – пиктограммы (5500 лет до нашей эры), затем иероглифы (около 3000 лет до нашей эры), буквы изобрели примерно 1500 лет до нашей эры, а гласные буквы – всего 800 лет до нашей эры. Постепенно письменность усложняется: от простых понятий вроде «лошадь», «человек», «дом», «охота» к таким сложным, как «радость», «ненависть», «победа», «власть» и т. д.

Письменность разрушила монополию узкого круга людей – как правило, жрецов, шаманов и других служителей культа – на знания, хотя некоторый магический, сакральный характер сохраняла еще долго. Дала возможность вести хозяйственные и финансовые записи, составлять и сохранять документы, издавать законы. Появились крупные города, государства, а за ними – первые империи.

Телеграф, телефон, радио – изобретения третьей информационной революции. Идея быстрой передачи информации на расстояние владела умами людей с давних времен: голубиная почта, звуковые сигналы, дым костров, системы зеркал. На основе зеркал француз Клод Шапп изобрел в 1792 году первый

оптический телеграф, достигнув скорости передачи информации в целых два слова в минуту! Первый электромагнитный телеграф создал русский ученый Павел Шиллинг в 1832 году, через год Гаусс и Вебер построили похожий в Германии, еще через четыре года Кук и Уинстон – в Британии.

В США телеграф запатентовал Морзе в 1840 году.

В 1858 году установлена трансатлантическая телеграфная связь – проложен кабель через океан, а затем и в Африку.

Считается, что телефон изобрел в 1876 году Александр Белл. Но за 15 лет до него немец Иоганн Рейс уже создал подобный прибор – именно он придумал название Telephone. В 2002 году изобретателем телефона был признан Антонио Меуччи.

Кого только не называют изобретателем радио:

Хьюза (1878), Эдисона (1875) и Теслу (1891) в США,

Герца (1888) в Германии, Бранли (1890) во Франции,

Лоджа (1894) в Англии и Попова (1895) в России.

Но автором первой успешной системы связи посредством радиоволн признан Маркони (1895).

Телеграф впервые в истории человечества отделил информацию от непосредственного физического перемещения объекта – ее носителя, а также сделал возможным быструю ее передачу на большие расстояния. Телефон и радио – другие две технологии, позволяющие делать то же самое.

Первый программируемый микропроцессор Intel 4004 был выпущен 15 ноября 1971 года. Он был четырехразрядным.

В 1976 году появился уже 16-разрядный процессор, который стал использоваться в персональных компьютерах IBM – началась история

электронных средств хранения и передачи информации. Из идеи объединить несколько компьютеров между собой в конце 1980-х годов возник интернет, через некоторое время ставший мобильным.

Это был огромный, революционный скачок, как в количестве передаваемой информации, так и в скорости передачи, причем теперь вообще без привязки к конкретному носителю. Мгновенное перемещение огромных массивов данных, доступ к любой информации с персонального карманного устройства из любой точки мира, онлайн-хранение…

Четвертая информационная революция не просто в корне изменила наш быт, но и предопределила глобализацию и становление постиндустриального общества, где информация и знания становятся наиболее ценным из всех ресурсов.

Подобные удивительные скачки не происходят сами по себе. Информационной революции всегда предшествует революция в экономике и технологиях. Бурный рост человечества в XX веке стал возможным только после промышленной и научно-технической революции в XVIII и XIX веках. После появления развитой металлургии, сложных станков и машинного производства, крупных заводов и фабрик, парового двигателя, пароходов, паровозов и железных дорог, электричества и электромагнитного телеграфа. Корни этих важнейших открытий – в массовом распространении печатного слова в XVI–XVII веках, когда знания начали широко тиражироваться и стали общедоступны. Нельзя объяснить человеку на пальцах, как построить фабричный станок или паровоз; тем более, не стоит надеяться, что он поймет объяснения, не обладая некоторым уровнем знаний, который можно получить только из книг. Нельзя организовать работу крупного предприятия без ведения производственной и финансовой документации. Так что прежде, чем все вышеназванное и многое другое изобрести, мир должен был научиться читать.

* * *

К началу XVI века подавляющее большинство европейцев проживало всю жизнь, так и не увидев ни одной книги, кроме Библии в местной церкви. Впрочем, попади обычному человеку в руки Библия, никакой пользы от нее, кроме разве что эстетического удовольствия, получить он не смог бы – по причине неумения читать, а также из-за незнания латыни. Да что там обычный человек – не все

священники, имеющие в своем распоряжении Библию, владели грамотой в достаточной степени, чтобы прочесть многие пассажи.

Трудно поверить? Не может быть, ведь первые университеты появились в Европе еще в XII веке! Всем известны имена Данте, Боккаччо, Чосера, Фомы Аквинского, Роджера Бэкона, Эразма Роттердамского. Читали же этих авторов современники! Книгопечатание изобрели еще в середине XV века. А до него существовали, как известно, рукописные книги.

Все правильно. Но доля грамотного населения при этом была ничтожно мала: историки не могут дать точных оценок, однако сходятся на том, что в сельской местности научиться читать было попросту негде, да и незачем. Что касается городских жителей, то их к 1500 году было не более 30 % от общей численности населения – это если считать вместе с маленькими городами. Демографы же склонны называть настоящей городской общиной города с более чем 5000 жителей, а в таких в то далекое время жило только около 10 % людей[1 - Malanima (2007). Только около 6 % жили в городах с более чем 10 000 жителей. Сто лет спустя – 11 % в городах крупнее 5000 и 7,6 % – с населением более 10 000.]. И, конечно, совсем не каждый городской житель был грамотным – меньшая их часть.

Университетов во всей Европе в 1500 году было 66: 17 во Франции, 16 в Священной Римской империи, 13 в Италии, 11 в Испании, три в Шотландии, два в Англии и по одному в Дании, Польше, Португалии и Швеции. Это были совсем не те университеты, которые мы знаем сегодня. По словам профессора Барбары Кем из Глазго, в позднем Средневековье в каждом из них учились не более 100–200 студентов, профессоров было по два-три на факультет; в 1500 году, например, во всех германских землях было всего около 3000 студентов[2 - Kehm (2015).]. А население Европы на 1500 год историки оценивают в 70–85 миллионов человек (вместе с Россией). Всеобщих переписей, естественно, не проводилось, данные основываются на различных методиках подсчета, поэтому такой разброс.

Если коротко и без цифр: читать почти никто не умел. Приобрести этот довольно редкий и, будем честными, далеко не всем необходимый навык можно было либо в приходской или городской школе, либо посредством домашнего образования. И то и другое – удовольствие не для всех. Средневековая экономика – это феодальное землевладение плюс мелкое ремесленное производство, она не требовала от человека грамотности как обязательного условия для выживания.

Так же как сегодня каждому необязательно разбираться в устройстве компьютера < или уметь писать программный код – этим занимаются специалисты.

На рубеже Нового времени, то есть где-то между открытием Америки в 1492 году и началом Реформации в 1517 году, европейское общество стремительно меняется. Зарождающиеся с XV века новые виды производства, формы собственности и методы управления требуют новых способов хранения и передачи информации, а знания становятся все более важным и востребованным товаром. Некоторые западные историки начинают отсчет Нового времени как раз с появления книгопечатания, и именно по озвученной выше причине: без широкого распространения печатного слова переход к экономике Нового времени был бы невозможен.

Итак, вторая информационная революция – книгопечатание и массовое распространение печатного текста как основного носителя информации. Историки и философы любят рассуждать о том, насколько сильно она изменила общество, культуру, экономику и политику, радикально расширив доступ к знаниям для всех слоев населения. В то же время мы почти ничего не знаем о ее героях, пионерах новых технологий и бизнес-стратегий. Широкой публике о ней, как ни странно, вообще мало что известно.

Переписывание книг вручную – это не просто долго и дорого. Переписчики делали ошибки и пропуски, использовали сокращения, не стеснялись делать заметки, добавлять свои рассуждения и исправлять ошибочные, по их мнению, факты. Двух одинаковых книг найти было нельзя. Когда придумали вырезать целые страницы текста из дерева и делать оттиски, это оказалось также очень долго и дорого, но хотя бы обеспечивало точное копирование. Этим способом печатали чаще одностраничные тексты: листовки, объявления, документы. Создать таким образом книгу – титанический труд.

Новаторская идея Гутенберга – вырезать из металла множество отдельных букв и из них набирать страницу текста. Он получил образование ювелира; именно человек, знакомый с техникой изготовления мелких деталей из металла, мог создать литеры. Затем он сделал чернила на масляной основе, и только позже пришла идея использовать пресс. Так появился печатный пресс Гутенберга.

Впрочем, долгое время изобретение наборной печати приписывалось совсем другим людям: немцам Ментелину и Пфистеру, голландцу Костеру, итальянцу Кастальди, и даже Фусту – деловому партнеру Гутенберга. Сегодня первым изобретателем наборной печати считается китайский мастер Би Шен (XI век), но в его время этот способ распространения не получил.

Библия Гутенберга была произведена с помощью новой технологии, но в остальном ничем не отличалась от предшественниц – ее набирали с латинской средневековой Вульгаты со всеми ее ошибками и неточностями, при этом Гутенберг пользовался одной из множества версий, оказавшейся под рукой. Он даже внешне сделал свою книгу похожей на средневековые манускрипты, создал шрифт, похожий на рукописный. Заслуга Гутенберга – изобретение технологии. До книг в том виде, как мы знаем их сегодня, остаются многие десятилетия…

В школьных учебниках можно встретить лишь краткое упоминание о начальном событии второй информационной революции: «В 1455 году Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание». Что было дальше, как правило, не сообщается. А ведь есть огромная разница между свежеизобретенным колесом и многотысячной армией колесниц, между первым паровым двигателем и европейской железнодорожной сетью, между экспериментальным микропроцессором и миллионами проданных компьютеров и смартфонов. Единственный печатный пресс Гутенберга в Майнце – это, при всем уважении, еще не революция, а только первый шаг на пути к ней.

* * *

На то, чтобы в каждом крупном городе Западной Европы появилась хотя бы одна типография, работающая по новой технологии, понадобилось более пятидесяти лет.

Когда главный герой этой книги около 1550 года переехал в Антверпене, печатный пресс уже был 100 лет как изобретен, но чтение книг все еще оставалось привилегией совсем небольшого слоя образованных европейцев – в этом смысле не изменилось почти ничего. Из-под печатного пресса выходили, в основном, Библии, молитвенники, политические листовки, работы отцов

Реформации Лютера, Меланхтона и Кальвина, иногда издания античных классиков – на греческом и латыни, естественно. Так что почитать, в общем, все равно было нечего.

Возможно, печатный пресс так и остался бы просто интересной технологией, не нашедшей массового коммерческого применения…

Думаю, что на мировом рынке мы найдем спрос для пяти компьютеров.

Thomas Watson – директор компании IBM, 1943 год

В будущем компьютеры будут весить не более чем 1,5 тонны.

Popular Mechanics, 1949 год

Человеку нет никакой необходимости иметь дома компьютер.

Ken Olsen, основатель и директор Digital Equipment Corporation (DEC), 1977 год

До определенного момента компьютер оставался невероятно сложным в управлении устройством, необходимым и доступным лишь отдельным специалистам. А интернет начинался как секретная военная сеть. И хотя Кен Ольсен уже, кажется, десяток раз объяснил журналистам, что речь тогда, в 1977 году, шла не о персональном компьютере в современном смысле этого слова[3 - Rifkin/Harrar (1990); Schein (2003), 38–40.], факт остается фактом: долгое время считалось, что компьютер нужен людям ряда инженерных и технических профессий, военным, научным лабораториям и государственным органам. О его массовом применении в офисе, в быту, для образования, а уж тем более для развлечения и речи быть не могло.

Билл Гейтс и Стив Джобс сделали так, что персональный компьютер появился в каждом доме. Марк Цукерберг объединил миллиарды людей в социальную сеть. Ни один из них не был изобретателем или пионером в своей области. И компьютеры, и программное обеспечение, и социальные сети уже существовали до них. Но эти люди оказались гениями маркетинга и коммерции, наладив массовое производство и продажу того, что раньше считалось роскошью или уделом специалистов. И тем самым изменили мир.

Похожая ситуация сложилась в первой половине XVI века: в тогдашнем понимании уметь читать и иметь дело с книгами должны были лишь те, чья деятельность связана с религией, государственной службой или наукой. Кристоф Плантен не был пионером книгопечатания во Франции или в Нидерландах – в Антверпене ко времени его переезда из Парижа уже существовало несколько типографий. Но он стал первыми массовым типографом, организовавшим книгопечатание в промышленном масштабе, широко коммерциализировал его и превратил чтение книг в массовое явление. Плантен принес печатную книгу в каждый дом, где умели читать. < Сделал так, чтобы печатный пресс стал главной технологией обмена знаниями, а печатная книга – основным носителем информации. Для своего времени он был тем же, кем для нас стали Билл Гейтс, Стив Джобс или Марк Цукерберг.

* * *

Почему же мы ничего не знаем об этом человеке? Главная причина, конечно, в том, что он родился 500 лет назад – для большинства это древняя история, не имеющая к нашей жизни абсолютно никакого отношения. Даже о Гутенберге, если подумать, современному образованному человеку известно только то, что он изобрел книгопечатание. Впрочем, и специалисты-историки за недостатком письменных свидетельств пока не могут проследить жизнь и деятельность Гутенберга от рождения до смерти без пробелов в биографии. С Плантеном историкам повезло гораздо больше: о его жизни, карьере и бизнес-империи сохранилось довольно много сведений. Но зачем читателю, не являющемуся историком, все это знать?

Нынешнее поколение молодых людей, садясь за компьютер или беря в руки смартфон, уже вряд ли задумывается о том, как эти устройства появились и почему стали широкодоступны. Что уж говорить о книге! Печатные книги для нас – вещь настолько само собой разумеющаяся, что кажется, они были всегда. А

если и не всегда, то истоки их теряются где-то во тьме веков. Сегодняшние двадцатилетние уже с трудом могут представить себе мир, в котором у них не было бы возможности получить любую информацию в любой момент. Школьнику или студенту, чтобы написать доклад, нужно пойти в библиотеку, долго рыться в каталоге с карточками, дождаться выдачи нескольких книг, а потом терпеливо листать их, вручную выписывая нужную информацию, – те, кто родился до первой половины 1980-х, прекрасно это помнят, но еще через 20 лет кто же в такое поверит?

А теперь представьте себе мир без книг. Без печатного слова вообще. Вся информация – только устно, от человека к человеку. Жизнь в условиях тотального информационного дефицита. Не будучи историком, вы вряд ли сможете это сделать во всех подробностях, но обязательно попытайтесь. Такая жизнь рождает совсем другое мышление. Абсолютно другой мир. Не спешите, включите фантазию. Получится хотя бы приблизительно вообразить себе мир без книг – тогда поймете, что сделал Кристоф Плантен и другие герои второй информационной революции. А эта книга покажет вам, что это не пыльные, интересные лишь специалистам архивы, а живая, близкая нам всем история, с прекрасно узнаваемыми героями и событиями.

Кристоф Плантен принес в книгопечатание новый образ мышления, новые бизнес-стратегии и маркетинговые решения. Среди прочего, он был одним из тех, кто с помощью печатного слова объединили ученых Европы в научное сообщество, массово публикуя их труды.

Наука, в Средневековье не игравшая особой роли, получила мощный импульс за счет нового способа обмена знаниями. Меньше чем через 100 лет после открытия типографии Плантена во Франции появляется первый научный журнал. А дальше – эпоха Просвещения, великие научные открытия, научная и промышленная революции…

Сын слуги, каким-то чудом сумевший получить хорошее образование. Безвестный подмастерье без средств и семейных связей, непонятно как ухитрившийся основать собственную типографию и проникнуть в чрезвычайно капиталоемкий печатный бизнес, монополизированный несколькими кланами. Преступник, разыскиваемый католическими властями испанских Нидерландов, и официальный типограф Его католического Величества короля Испании. Тайный религиозный сектант и издатель самых передовых научных трудов своего времени.

Биография Кристофа Плантена[4 - По-французски его имя пишется Christoph Plantin, по-голландски Christoffel Plantijn. Латинская версия – Christophorus Plantinus традиционно транслитерировалась как Христофор Плантен. Однако он был французом, даже в Антверпене говорящим преимущественно по-французски, так что сам себя называл, конечно, Кристофом.] – это история взлетов и падений, так же как и история его типографии: несколько раз он терял почти все и отстраивал ее заново, достигая новых успехов. Как ему это удавалось? Каково это вообще – быть предпринимателем в сфере высоких технологий в Европе XVI века? Да, печатная книга в то время – это высокие информационные технологии.

Где взять начальный капитал? Как выглядит рынок?

Кто основные клиенты и конкуренты? Какие трудности и подводные камни подстерегают? Как складываются отношения с властями? Любопытно?

Захватывающая история жизни, непростой путь наверх из самых низов, сложная судьба – если подумать, в биографии Плантена есть все, чтобы снять по ней фильм. Но это будет книга. Одна из миллионов книг, что выходят из-под печатного пресса в современном мире. Когда Плантен в 1555 году открыл свою типографию, счет шел на тысячи. А к концу XVI века печатная книга уже была основным носителем знаний и получила массовое распространение. Историю второй информационной революции, а также крупнейшего полиграфического предприятия Европы и его основателя – одного из тех, кто совершил этот грандиозный переворот, – вы найдете на этих страницах.

Удар первый

Крушение юношеских надежд

Начало пути

Одним прекрасным, или, наоборот, ненастным днем 1522, а может, 1523 или 1524 года в Лионе появляется уставший мужчина с маленьким ребенком на руках. Он пришел издалека, преодолев около 400 км от окрестностей Тура до одного из крупнейших и богатых городов Франции. У него с собой ничего нет: его дом остался где-то далеко на северо-западе, там же остались его жена и другие дети – их унесла чума. Мы не знаем, почему малыш остался жив, – обычно вымирали семьями, и первыми жертвами страшной болезни становились как раз маленькие дети. Биограф Сандра Лангерайс выдвигает версию, что он был не дома, а где-то у родственников, когда семья заболела. Возможно, и его отец выжил по той же причине – многие мужчины, не имевшие своей земли и хозяйства, работали в окрестных городах, селениях или замках, появляясь дома нечасто.

И вот Жан Плантен пришел в Лион с единственным выжившим ребенком, чтобы начать новую жизнь. Маленький Кристоф – все, что осталось от большой семьи, – сидя у отца на руках, обозревает непривычно шумную жизнь большого города, может, с испугом, а может, с интересом – ничего подобного он раньше не видел.

Плантен-старший не слишком уверенно направляется в квартал Сен-Жюст, к дому каноника местной церкви Порре. Они давно знают друг друга, но прошло много лет, и совершенно непонятно, захочет ли старый знакомый помочь Жану и его сыну. Но судьба улыбнулась скитальцам после стольких несчастий – Жана берут на службу в семью Порре и Пюпье. А Кристоф на несколько лет находит новый дом и любящую семью. С племянником каноника Пьером он подружится на всю жизнь.

Или, может быть, следует начать наше повествование по-другому? Где-то на западе прекрасной Франции, между Туром и Пуатье, чуть в стороне от больших дорог, расположился роскошный замок Шато-де-ля-Рош-дю-Мэн. Его владелец – прославленный доблестный рыцарь Шарль де Терселен, кавалер ордена святого Михаила и капитан королевской армии. Верой и правдой служа монарху, он снискал великую славу в сражениях, но, к сожалению, не сумел оставить потомкам ничего, кроме сказаний о своих подвигах. Не имея средств к существованию, трудно вести аристократический образ жизни. Поэтому однажды сыновья Шарля Кристоф и Пьер вынуждены покинуть родной замок, чтобы самим зарабатывать на хлеб, обучившись ремеслу. Дабы не позорить благородную фамилию неблагородными занятиями, они берут себе новые имена: Пьер становится Порре (по-французски «лук-порей»), а Кристоф выбирает фамилию Плантен (по-французски «подорожник»). Пьер поступает учеником к

аптекарю, а Кристоф едет в Нормандию учиться печатному делу…

Какой же из двух историй верить? Дело было 500 лет назад, почти никаких документов не сохранилось, только эти две легенды. Первая версия изложена в одном из писем Пьера Порре[5 - Письмо Пьера Порре Кристофу Плантену от 25 марта 1567 года, цитируется по Clair (1960), 236–238.], вторая – в записках внука Плантена Бальтазара I Моретуса[6 - Rooses (1914), 3–8; Clair (1960), 1–6.].

Чума – это не только всем известная пандемия XIV века (1347–1353), унесшая от трети до половины населения Европы (20–60 млн человек) и вошедшая в историю как «Черная смерть». Первая крупная эпидемия – Юстинианова чума (541–544) – стоила жизни от четверти до половины населения Восточной Римской империи. С тех пор болезнь прочно поселилась в Европе и с завидной регулярностью опустошала отдельные ее уголки вплоть до конца XVIII века. Самые сильные ее проявления зафиксированы в 638, 746–770,1356–1370,1402-1406, 1448–1460,1502-1508,1518–1526,1545-1560, 1625–1631,1665-1666 (Большая Лондонская чума), 1678–1683,1708-1714,1770–1772 (Чумной бунт в Москве) годах. Не было, пожалуй, года, чтобы где-то в Европе не умирали от чумы – в локальных или региональных масштабах.

Чума – вовсе не выдающееся событие, не конец света, а всего лишь проза жизни.

Как и холера, оспа, тиф, дизентерия и многие другие болезни, от которых не существовало лекарств. Люди воспринимали их с покорным фатализмом, как Божью кару.

Только в 1894 году французский биолог Александр Йерсен открыл возбудителя болезни – чумную палочку.

И это, собственно, все, что историкам удалось выяснить о ранних годах Кристофа Плантена.

* * *

Неизвестно, когда он родился. Неизвестно, где он родился.

Что касается даты, то родственники и знакомые Плантена давали разные свидетельства, да и сам он, говоря о возрасте, не был последователен: из одного высказывания следует, что он появился на свет в 1520 году, из других, что в 1514, 1521 или 1525 году. Биограф Леон Воэ считает, что Плантен и сам точно не знал своего возраста – для XVI века вполне обычная ситуация. Он был французом, однако откуда именно – непонятно. По прибытии в Антверпен Плантен указал, что он из Тура, но, возможно, происходил из его окрестностей. Один из внуков называл местом рождения деда Шитре близ Шательро. Большинство исследователей ранее считали, что он происходил из Мон-Луи, теперь же склоняются к версии, что из Сен-Авертена недалеко от Тура – там в то время жили три семьи с фамилией Плантен.

Историки склонны верить скорее версии Порре: во-первых, сам Плантен черным по белому писал, что происходит из простолюдинов[7 - plebeius homo – из письма дочери Мадлен от 25 декабря 1580 года, цитируется по Voet (1972), vol. 1, 4.]; во-вторых, существование семьи Порре-Пюпье, как и самого каноника Порре, подтверждается сохранившимися документами из городского архива Лиона.

Жан Плантен по-прежнему остается фигурой загадочной: нет сведений о том, откуда он родом и чем занимался до переезда в Лион, даже само его существование некоторое время было под вопросом – правнук Бальтазар, большой любитель сочинять семейные легенды, своими рассказами основательно запутал исследователей.

Лион. Хартманн Шедель, «Нюрнбергская хроника», 1493

Приведенное им семейное предание – совершенно в духе времени, но оно повествует не столько о Кристофе Плантене, сколько о личности самого Бальтазара.

При нем семья достигла высокого благосостояния, играла значительную роль в жизни Антверпена, вошла в местную элиту. Одна из крупнейших типографий мира, один из столпов городской экономики, огромный дом, полный гостей, среди клиентов – король Испании и папа римский. Для принадлежности к самой верхушке общества не хватало только одного – дворянского титула. Забегая вперед, скажем, что титул получит внучатый племянник Бальтазара – Бальтазар III. И настолько этому факту обрадуется, что отделает комнаты дома позолоченной кожей, обставит самой дорогой мебелью и даже купит модную диковинку – клавесин, чтобы дом выглядел действительно по-дворянски. А вот Бальтазар I, видимо, чувствовал себя несколько неловко среди местной знати. Ему очень хотелось иметь благородное происхождение, или, по крайней мере, хоть легенду о нем.

При этом Шарль де Терселен – реальная историческая фигура (сохранился даже его портрет), а замок Шато-де-ля-Рош-дю-Мэн стоит по сей день, радуя туристов своей красотой. В путеводителях пишут, что свой нынешний великолепный облик он получил в 1490 году, когда вернувшийся с военной службы в Италии Шарль де Терселен, насмотревшись на тамошние палаццо, перестроил его в итальянском стиле. Правда, в современных исследованиях, где упоминается этот архитектор-любитель, написано, что родился он около 1482 года; во всяком случае, в 1536 году король Франциск I назначил Шарля де Терселена губернатором итальянского города Фоссато, оккупированного французскими войсками[8 - Например, Henderson (2012), 177.]. Предположить, что не самый последний полководец французского короля был в это время настолько беден, что его сыновья, втоптав в грязь имя отца, подались в ремесленники…

Oratores, bellatores, Laboratores – «те, кто молится», «те, кто воюет» и «те, кто работает» – три сословия, три столпа средневекового общества, да и западной христианской цивилизации в целом – вплоть до Французской революции 1789 года: духовенство, аристократия и люди труда (крестьяне, рабочие, ремесленники, буржуа). Если первые два сословия не очень отличались по статусу – скорее, по специфике занятий (представитель аристократической семьи вполне мог сделать духовную карьеру), то третье сословие стояло не просто на ступеньку, а намного ниже. При этом оно составляло более 95 % населения.

Вся организация европейского общества была направлена на то, чтобы поддерживать и подчеркивать сословные различия. Даже в мелочах, скажем, в одежде и аксессуарах: каким бы богатым ни был простолюдин – на некоторые вещи он просто не имел права, чтобы его ни в коем случае не приняли за аристократа и не оказали лишние почести.

С XVI века третье сословие играет все более важную роль в экономике и политике. Все больше простолюдинов по происхождению становятся фактически богаче и влиятельнее аристократов, но символические, церемониальные различия остаются и поддерживаются: множество правил и ритуалов призваны постоянно напоминать простолюдинам, где их место.

Во-первых, королевский офицер такого уровня на службе мог рассчитывать на вознаграждение от короля, на свою долю добычи, на выкуп за взятых в бою пленных. Если война шла не совсем уж разгромно, армейские командиры возвращались домой не только героями, но и обеспеченными людьми. Во-вторых, благородное имя – это краеугольный камень идентичности и предмет гордости любого аристократа; он может потерять деньги, земли, замок, но имя у него никому не отнять. Опозорить отца, отказаться от имени и уйти в ремесленники… один сын еще мог совершить подобное, навсегда порвав с семьей, или будь он, скажем, сумасшедшим, но чтобы сразу два? В-третьих, самый естественный путь для обедневшего аристократа – это армия. Отличная возможность снискать славу и заодно подзаработать. Либо, при отсутствии физической способности или душевной склонности к военному делу, духовное сословие: выбор церковной карьеры для второго сына в семье – весьма распространенное явление. Учитывая любовь юного Кристофа к книгам – в крайне стесненных жизненных обстоятельствах он бы выбрал церковь.

Общество XVI века – это сословное общество, причем пропасть между сословиями почти непреодолима. Сословная принадлежность – характеристика врожденная, как форма носа, цвет кожи или пол. Сменить сословие в те далекие времена – это примерно как сменить пол сейчас: в принципе, возможно, но происходит очень редко и означает коренной переворот в жизни человека и его близких. И если перемены «снизу вверх» – немногие случаи производства в дворянство – это огромный социальный скачок, то «сверху вниз» – это как прыжок в пропасть: самоубийственно и вообще непонятно, зачем это делать.

Остается понять, откуда родившийся и выросший в Антверпене Бальтазар мог узнать о де Терселене, жившем за сто лет до него? Скорее всего, от деда: Кристоф Плантен происходил как раз из этого региона, возможно, хозяин замка был сеньором местности, где он жил ребенком, может быть, члены его семьи работали в замке или в окрестностях. В конце концов, де Терселен – личность примечательная и наверняка прекрасно известная в округе.

Вопреки мечтаниям Бальтазара I, его прадед Жан был слугой. Впрочем, не простым – кем-то вроде камердинера. Он состоял при будущем канонике, когда тот еще учился в университете. Потом их пути разошлись, но, вновь поступив на службу к настоятелю Порре, Жан стал исполнять похожие обязанности при его многочисленных племянниках. Леон Воэ именует Плантена-старшего просто лакеем, Сандра Лангерайс – гувернером, хотя нет никаких доказательств, что он не только присматривал за детьми, но и чему-то обучал их. Гувернером мог называться не профессиональный воспитатель и преподаватель, а просто слуга, который смотрит за молодым поколением и воспитывает его по мере сил. Был ли Жан Плантен хоть как-то образован, неясно. Но из письма Пьера Порре известно, что в приходской школе, которой заведовал каноник, Жан выполнял функции управляющего хозяйством. Позднее он будет сопровождать молодое поколение семьи в университет, вернувшись к обязанностям камердинера.

Те несколько лет, что он провел в Лионе, были самыми теплыми и беззаботными в жизни маленького Кристофа.

В семействе Порре и Пюпье к Жану и его сыну отнеслись прекрасно, в доме были дети его возраста, с которыми он мог проводить время и дружить. Взрослые, похоже, никак не ограничивали их общение с сыном слуги. Пьер Порре навсегда стал его лучшим другом, а позже и доверенным лицом в коммерческих и личных делах, они обращались друг к другу «брат». По воспоминаниям Пьера, Жан был добрым и сердечным человеком, постоянно баловал ребятишек сладостями, оба мальчика – Кристоф и Пьер – называли его отцом. В приходской школе, где работал Плантен-старший, учились все дети Порре и Пюпье; их бездетный дядя, каноник, очень любил племянников и принимал самое деятельное участие в их судьбе. А маленький Кристоф крутился возле отца, играя и путаясь под ногами, пока…

Неизвестно, как он очутился за школьной партой. Возможно, кто-то из учителей заметил живое любопытство и выдающиеся способности ребенка. Может быть, каноник проявил доброту к сыну своего камердинера, который был его верным

спутником в веселой молодости, и дал мальчику возможность учиться. Это была огромная, удивительная удача. Дети слуг росли среди слуг и чаще всего становились слугами. Если проявляли особенную сообразительность – то привилегированными слугами. Они не учились грамоте, им не нужна была латынь. В конце концов, занятия в школе – удовольствие не бесплатное, да и пока мальчик учится, он не может работать. Но по затейливой прихоти судьбы Кристофу Плантену повезло попасть в школу и учиться вместе с детьми Порре и Пюпье.

Эта идиллия продолжалась несколько лет. А потом кто-то из подросших племянников каноника отправился в университет – сначала в Орлеан, потом в Париж – и Жан Плантен сопровождал его, вернувшись к подзабытым обязанностям камердинера. Кристофа он взял с собой. Возможно, в лионской школе мальчик проявлял серьезные успехи, раз отец, увидев, какие перспективы открываются перед сыном, всеми силами постарался дать ему хорошее образование.

Об этих годах в Париже почти ничего неизвестно. Очутившись в столице примерно в десятилетнем возрасте, Кристоф, по-видимому, посещал одну из церковных или городских латинских школ. Иначе трудно объяснить его способность прекрасно изъясняться как на родном языке, так и на латыни, знание испанского, знакомство с античными авторами. Вся его обширная переписка показывает хорошее классическое образование, которое в те далекие времена было доступно лишь очень немногому числу людей.

Как такое образование мог получить сын слуги? Формальных запретов на обучение для детей простолюдинов не существовало, скорее, все упиралось в деньги. Платить за учебу и за расходные материалы (бумага, чернила, письменные принадлежности), а также содержать подростка все время, пока он учится, – не каждая городская семья могла себе такое позволить. Отдавал ли Жан Плантен все свое жалованье на обучение сына, отказывая себе в самом необходимом? Были ли у него какие-то сбережения? В конце концов, не мог ли великодушный каноник Порре или кто-то еще оказать финансовое покровительство, несомненно, одаренному пареньку? Этого, похоже, уже никогда не удастся выяснить. Чувствовал ли себя Кристоф не в своей тарелке среди детей обеспеченных бюргеров и даже дворян? Или, возможно, средневековое общество, построенное на сословных барьерах и предрассудках, наконец-то начинало меняться?

Да, оно стремительно менялось, хотя и в другом смысле. Юный Плантен живет своей жизнью, посещает школу, зубрит латынь – в Лионе, как и в Париже, все мирно и спокойно. Пока что. Но в Европе бушует самая настоящая революция, хотя никто ее, конечно, так не называет. Позже, уже в XIX веке, происходящее назовут Реформацией, под этим именем события XVI века и войдут в учебники истории.

Реформация– начавшееся в 1517 году в германских землях движение религиозного обновления, переросшее в серьезнейший передел власти и собственности по всей Европе. Следствие глубокого кризиса католической церкви, совпавшего с выходом европейской экономики и социально-политической жизни на новый уровень. Деградирующая и коррумпированная церковная система все хуже исполняла свои традиционные функции и не справлялась с новыми вызовами времени. Поэтому идея о ее реформировании, удачнее всех сформулированная немецким богословом Мартином Лютером, нашла широчайшую поддержку среди аристократии, простолюдинов и даже в самом духовенстве.

Начальным событием считается публикация 95 тезисов с критикой продажи индульгенций и папства, но настоящую программу реформ Лютер излагает в трех текстах, написанных в 1520 году: «К христианскому дворянству немецкой нации», «О вавилонском пленении церкви» и «О свободе христианского человека». Они разрушают тысячелетний социально-экономический христианский порядок и формулируют принципиально новую концепцию отношения к религии и Богу. Лютер создает учение трех sola: solo gratia, solo fide и solo scriptum, делающее всю церковную структуру, включая папу римского, не более чем бесполезным пережитком прошлого. За Лютером появляются другие реформаторы: Ульрих Цвингли и Жан Кальвин в Швейцарии, а также многочисленные реформаторские секты различного толка.

В европейском обществе на рубеже Нового времени господствует религиозная картина мира, поэтому Реформация означает новое мировоззрение и коренной пересмотр всего образа жизни. Изменения происходят иногда мирно, но часто насильственным путем. Европа погружается в пучину религиозных войн. Многие современники считают происходящее концом света. Результатом Реформации станут новые социально-политические структуры и новые ветви христианства: лютеранство, кальвинизм, англиканство, баптизм.

Священную Римскую империю сотрясает религиозная смута, кроме того, по германским землям расползается самое масштабное за многие столетия крестьянское восстание. Историки оценивают число жертв крестьянских войн 1524–1526 годов примерно в 100 000 человек, при общем населении германских земель около 12 миллионов. Беспорядки перекинулись на Швейцарию, и вот уже флегматичные и рассудительные альпийские жители с увлечением убивают друг друга. К счастью, они почти сразу сообразили, что если продолжат делать это с тем же энтузиазмом, то швейцарцы в Швейцарии быстро закончатся, и на прекрасных горных лугах останутся только упитанные коровы да забавные сурки. Во Франции протестанты, называемые гугенотами, пока действуют в основном подпольно, первые столкновения начнутся, когда Кристоф уже вступает во взрослую жизнь.

В 1520 году – наиболее вероятный год рождения Плантена – Магеллан совершает свое кругосветное путешествие, Роксолана становится четвертой женой султана Сулеймана I, испанцы казнят ацтекского вождя Монтесуму, а немецкий проповедник Мартин Лютер пишет три работы, которые взорвут старый европейский порядок и станут главными идеологическими документами Реформации. В них – программа религиозной и политической реформы, картина нового мира. В год, когда родился Плантен, который выпустит эпохальную по своей культурной значимости многоязычную научную редакцию Библии, Мартин Лютер формулирует принцип sola scriptum – одну их трех основ своего учения: Бога можно постичь только через Писание; Библия – единственный источник вероучения, не священники и даже не папа римский; каждый верующий может сам придти к Богу, все, что ему нужно – это читать Библию. Но вот беда – Европа почти неграмотна.

Долгие тысячелетия процесс письма и чтения имел некую магическую подоплеку. И не случайно занимались этим поначалу именно жрецы.

Сама идея, что слова, которые кто-то однажды произнес, можно «поймать» и зафиксировать на каком-то носителе, а потом другой человек возьмет и прочтет с него информацию – те же самые слова! – казалась людям раннеписьменной эпохи волшебной и удивительной.

Следующим шагом – намного позже – стало изобретение аудиозаписи. А какой ажиотаж возник, когда научились фиксировать изображение!

Итак, мы можем «поймать» изображение и звук.

А как насчет запахов? Или, например, температуры? Что, если бы при просмотре новостей и фильмов можно было бы ощущать все это, и даже эмоции тех, кого мы видим на экране? Фантастика?

Примерно так же фантастично воспринимали древние люди письменность. И лишь с массовым распространением книг процесс письма и чтения теряет свой магический характер и становится доступен всем.

Роскошь образования

Совершенно очевидно: человек, не умеющий читать и писать, не может считаться образованным. Очевидно для нас, но не для людей на рубеже Средневековья и Нового времени. Аристократ, не умеющий ездить верхом, – вот необразованный человек. Монах, не знающий наизусть библейские тексты; купец, не способный организовать доставку товара покупателю; ювелир, не умеющий выбрать правильную огранку. 500 лет назад представления об образовании были другими.

Прежде всего, об образованности судили по знанию Библии. «Всех детей, мужского и женского пола, надлежит с третьего года жизни посылать в школу до достижения восьми лет. <…> В школе ребенка необходимо обучать основам христианской веры из Евангелий и из св. Павла»[9 - Wendehorst (1986), 9.].

Немец Иоганн Эберлин Гюнцбург написал это в 1521 году. Далее он перечисляет, чему еще нужно учить детей, упоминается, в частности, чтение. Но ни слова о письме или счете, которые за тысячу лет до этого уже считались обязательными навыками цивилизованного человека. Конечно, в XVI веке с трех лет в школу детей никто не отдавал, но представление об образовании было примерно таким.

Кроме того, об образованности человека судили в зависимости от функций, которые он исполнял в обществе. В списке рыцарских добродетелей знание букв и умение сложить их в слова – если они вообще там значились – стояли на одном из последних мест. А вот грамотность у благородной женщины ценилась, наоборот, высоко[10 - Ibid, 27.].

Какова основная функция образования в современном мире? Их даже две: получение теоретических и практических навыков, необходимых для трудовой деятельности, и социализация. Сегодня жизнь западной цивилизации регулируется, помимо норм морали, множеством документов, в которых прописаны основы организации общества и правила поведения в нем: Декларации прав человека и гражданина (1789), Всеобщая декларации прав человека ООН (1948), сформулированные на их базе разделы национальных конституций, ряд кодексов – гражданский, семейный, уголовный. Законы, по которым мы живем. В Средневековье и Новом времени никаких деклараций не было. Главная и единственная книга, в которой описаны все «что такое хорошо и что такое плохо», устройство общества и место в нем человека, – это Библия. Именно там ответы на все вопросы. На Библии основано каноническое право. Светское право – средневековые кодексы, «Золотая булла», имперские и королевские законы, части римского права – подогнано под основы христианской морали. Поэтому знание Библии – не только вопрос спасения бессмертной души, но и залог правильного поведения. Ведь именно этому, помимо чтения, письма, счета и других предметов, детей учат в школе сегодня; задача школы – интеграция детей в общество посредством усвоения норм, правил и ценностей.

Нужна ли грамотность, допустим, королям? Франкские, германские и готские правители, построившие королевства на обломках Римской империи, в том числе знаменитые Одоакр и Теодорих Великий, были неграмотны. Меровингские короли умели, по крайней мере, писать свое имя. Каролинги подписывались крестиками или другими знаками вплоть до Людовика Святого. Карл Великий, как утверждает его биограф Эйнхардт, говорил на нескольких языках, даже на латыни и греческом, но писать и читать не умел. После Людовика Святого еще Людовик Немецкий и Карл Лысый сами подписывали документы, а дальше нет никаких доказательств того, что германские императоры умели писать. Оттон I Великий и Оттон II читать точно умели, Оттон III умел даже писать, хотя не слишком ровным и уверенным почерком. После трех Оттонов почти все

германские императоры умели читать, но письмо европейские правители стали массово осваивать только со второй половины XIV века[11 - Wendehorst (1986), 12–18.].

* * *

В Римской империи чтение и письмо были широко распространены. Иначе никак невозможно организовать управление огромной территорией: письменная коммуникация необходима для поддержания политического порядка и экономической деятельности. Существовала система грамматических и риторических школ, которые располагались в городах и финансировались гражданами. В грамматических обучали основам письма, чтения и счета, в риторических – более высокая ступень – учили вести аргументированную дискуссию, основам политики и этики, а также греческому языку и литературе.

Если смотреть в исторической перспективе, то школьная система – это детище бюрократически развитого централизованного государства. При мелком феодализме с его максимальной раздробленностью такая система, во-первых, невозможна, во-вторых, не нужна: чтобы управлять замком и прилегающими землями, достаточно одного-двух грамотных клерков. Письмо – средство коммуникации, способ хранения и передачи знаний. Его применение должно быть чем-то оправдано. Хотя бы потому, что обучение людей и содержание школ стоит денег. Никто не будет забивать гвозди дорогим и сложным микроскопом, если это можно сделать простым и дешевым молотком. Феодальная экономика с ее аграрным и мелким ремесленным производством совершенно не требовала массовой грамотности. Феодальная общественно-политическая организация (в отличие от Римской империи) – тоже.

С распадом Западной Римской империи (476 год) распалась и система школ, сведения о последних из них, расположенных в Испании и Италии, относятся к VI веку. Профессии, связанные с письмом и чтением, стали мало востребованы. VII век за ничтожным количеством сохранившихся письменных источников часто называют темным временем. Однако с VI века церковь, которая раньше не интересовалась вопросами образования, начинает создавать школы при монастырях, набирая туда способных детей для обучения чтению, письму и счету.

Посещать такие школы, которых, по сравнению с римскими, было все еще очень мало, могли как монахи, так и миряне. Античные софисты придумали понятие septem artes liberales – семь свободных искусств. Нижняя ступень – грамматика, риторика, логика; высшая – арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Этому и учили в церковных школах, плюс, конечно же, Библии. Позже данная система станет основой европейских университетов. Но у аристократии были, как правило, домашние учителя, поэтому скоро в монастырских школах учились почти исключительно монахи. Поменялись и цели обучения: теперь читать учили, чтобы читать Библию, считать – чтобы рассчитывать даты церковных праздников, а музыке – для литургического пения.

Реформаторское церковное движение, в VIII веке распространившееся из Ирландии по всей Европе, продвигало, среди прочего, идею единого образца латыни для всего христианского мира. До этого все писали по принципу «как слышится, так и пишется», не задумываясь о правилах, орфографии и грамматике. После реформы латынь стала международным языком общения образованных людей.

Около 800 года Карл Великий основал придворную академию и ряд придворных школ. При Каролингах появились также кафедральные школы, дающее более серьезное и качественное образование, чем монастырские. Доступ туда был открыт клирикам и мирянам, но последние должны были принадлежать к высшим слоям общества. Выходцы из бедных семей, чтобы получить образование, должны были сначала стать монахами.

С X века появляются монастырские школы, разделяющие обучение на интернов и экстернов: интерном учились будущие монахи, экстерном миряне. Весь учебный материал производился тут же в монастырях. В XI веке появляются и первые частные школы – самые обычные, вроде современных: родители платили – дети учились.

С ростом значения городов с XIII века монастырские школы уступают позиции кафедральным, а потом и городским. Городские школы – это новый этап в развитии образования. Но прежде чем рассуждать об их принципиальном отличии от церковных, необходимо прояснить один важный вопрос, а именно: что в Европе на рубеже Нового времени понималось под грамотным человеком.

* * *

В современном образовании чтение и письмо всегда идут вместе. Эта связь для нас естественна. Но она далеко не очевидна. Как не очевидна и связь между чтением и пониманием. Для наглядности проведем эксперимент: найдите в интернете любой текст на норвежском языке (если знаете германские языки, возьмите итальянский или португальский) и прочтите его вслух. Вы знаете латинские буквы, можете сложить их в слова и произнести фразы. Но можете ли вы сказать, что свободно читаете по-норвежски, не понимая содержания текста?

Основная часть того небольшого количества людей, которые в начале XVI века считались грамотными, читали именно так: громко, четко и не особо понимая, что читают, утверждает британский историк Роберт Хьюстон, обозначая таких людей как «полуграмотные»[12 - Houston (2012), 2.]. Ничего удивительного в этом не было. Чтению обучали с помощью повторения слов по буквам и заучивания их написания наизусть – методика скорее вредная, чем полезная, к тому же малоэффективная. Обучение велось с помощью телесных наказаний. И так последующие 300 лет, вплоть до середины XIX века.

«Вопрос в том, как дети, несмотря на все это, все равно умудрялись научиться читать», – замечает немецкий педагог Хорст Бартницки. По его мнению, большинству учеников это так и не удавалось: начиналось школьное или домашнее образование всегда с заучивания наизусть религиозных текстов, чтение этих же самых текстов рассматривалось как следующий этап; иными словами, ученики «читали» то, что уже знали наизусть. Небольшая часть детей постепенно понимала смысл процесса и училась читать сама, для остальных же любой незнакомый текст представлял непреодолимую трудность[13 - Bartnitzky (2016).].

Совсем другой уровень чтения – умение читать «про себя», понимая и, главное, осмысливая прочитанное, а также свободно читать незнакомые тексты. Это уже уровень старших классов латинской школы, а то и университета, до него поднимались лишь немногие.

Читать учились по Библии и преимущественно для того, чтобы читать Библию. Весьма сложные тексты Священного Писания с обилием специальных терминов, имен и топонимов непонятны обывателю, тем более ребенку. Прихожанам полезно знать отдельные важные отрывки и эпизоды, их лучше даже заучить наизусть, и при случае уметь прочитать. «Целью образования была интеграция ребенка в христианскую общность, усвоение им основных ритуалов и правил,

вопрос понимания в данном случае не стоял»[14 - Bartnitzky (2016).], – пишет Бартницки. Церковь скептически относилась к идее, что простые люди могут самостоятельно понять Библию, поэтому чтение предполагалось под руководством священника, а школьное образование еще долго была основано на заучивании наизусть. Даже протестанты, первоначально с энтузиазмом рассуждавшие о Priestertum aller Gl?ubigen[15 - Priestertum aller Gl?ubigen – всеобщее священство – основной принцип лютеранской теологии, заключающийся в том, что каждый член общины в состоянии исполнять обязанности священника и совершать богослужение, поскольку все прихожане должны читать Библию; таким образом, отрицается деление мира на мирян и духовенство.], не избежали этого.

В Средневековье и в начале Нового времени люди не видели никакой обязательной связи между чтением и письмом. Конечно, было очевидно, что книги кто-то пишет. Под словом «пишет» следует понимать не «сочиняет», а «записывает». Потому что это воспринималось как два принципиально разных занятия. И если чтение считалось «искусством», которым владеет образованный человек, то письмо – технической специальностью, ремеслом[16 - Wendehorst (1986), 24.]. Почти никто из средневековых литераторов, как писателей, так и поэтов, писать не умел – диктовали текст профессиональному писцу. Часто они даже и читать не умели. Если автору приходилось работать с книгами при сочинении текста, их зачитывал специальный чтец[17 - Wendehorst (1986), 25.]. Впрочем, обычно функции письма и чтения выполнял один клерк – этакая живая машина, универсальный компьютер. Если подумать, многие литераторы XIX и XX века тоже ведь сами ничего не записывали – диктовали машинистке: Толстой, Достоевский, Марк Твен, Генри Джеймс. А для прослушивания необходимого контента, скажем, интервью, позже появились диктофон и магнитофон. Сегодня все эти функции сосредоточены в компьютере. Современные авторы умеют пользоваться компьютером, тогдашние умели пользоваться клерком.

Зачем человеку что-то писать, если того не требует его профессия? Разве крестьянину, ремесленнику или даже рыцарю так уж необходима способность формулировать собственные мысли на бумаге? На очень недешевой, кстати, бумаге. Или еще более дорогом пергаменте. Это ведь действительно во многом вопрос денег: обучение письму и его регулярная практика требуют бумаги, чернил, письменных принадлежностей. Исследователи сходятся на том, что писать в XVI веке и ранее умели гораздо меньше людей, чем читать. Недворянские дети ходили в школу обычно не дольше двух-четырех лет, успевая научиться только чтению (если вообще успевали), взрослым для соблюдения религиозных ритуалов тоже достаточно было чтения, писать ничего не

требовалось, да и в повседневной жизни письмо было востребовано меньше, чем чтение [18 - Wendehorst (1986); Langereis (2014); Houston (2012).].

Школьная программа была построена довольно своеобразно: сначала детей учили только читать, и лишь потом, через несколько лет, начиналось обучение письму, а в самом конце и счету. Тех, кому повезло доучиться до старших классов, обучали, по сути, обычному копированию, то есть тому, как правильно перерисовать буквы и слова, понимать копируемый текст было совершенно необязательно[19 - Houston (2012), 3; Langereis (2014).]. Профессиональные писцы-переписчики – это аналог современных копировальных аппаратов, а вот те, кто умел писать под диктовку, – это уже продвинутое программное обеспечение (есть такие программы, распознающие голос и переводящие его в текст). Впрочем, для обычного человека обучение письму часто заключалось в том, что ему показывали, как пишется его имя, и если он мог повторить этот трюк – считалось, что писать он, в общем, умеет. Но если вы научитесь писать, скажем, символы японской слоговой азбуки хираганы – сможете ли вы сказать про себя, что умеете писать по-японски?

Аналогичный процесс обучения на заре компьютерной революции выглядел так. Телефонный голос из техподдержки терпеливо объясняет: нажмите сюда, откройте вот это окно, в нем кликните на такой-то значок, в появившемся меню выберите пункт такой-то, нажмите OK; все, вы подключились к интернету. Запомнив эту последовательность действий, большинство могло ее повторить, так что не приходилось звонить к техподдержку каждый день. Но понимали ли пользователи при этом, что происходит в операционной системе и в компьютере?

Еще один показатель образованности – умение хорошо считать. Оно намного важнее, чем письмо, потому что считать приходится деньги, да и многое другое помимо денег. В описываемые времена по способности считать и складывать простые числа даже определяли в суде дееспособность человека[20 - Houston (2012), 3–4.].

Высший уровень образованности – знание латыни. Не заученных наизусть молитв, а на уровне понимания и способности писать тексты. Это категория людей, имеющих настоящее классическое образование, составляла к концу Средневековья 1–2 % европейского населения. Они представляли собой некую общность интеллектуалов, правда, рассеянных по всей Европе, которые могли наслаждаться всеми имеющимися на тот момент достижениями человеческой

мысли. Эта эксклюзивная группа противопоставляла себя illiterati – средневековое обозначение для тех, кто латыни не знал, – то есть всем остальным. Латынь была языком не только религии, но и высшего образования и науки[21 - Houston (2012), 3, 12.].

* * *

Принципиальное отличие городских школ от монастырских и кафедральных состояло в цели образования и назначении приобретенных навыков. Уже в далеком XI веке купеческие гильдии и ремесленные цехи начинают нанимать «нотариусов» – клерков, которые читают и пишут для них все, что необходимо; в конце XIII века в Ганзейском союзе появляются бухгалтерские книги, которые ведут, опять же, наемные специалисты. До логичной, казалось бы, идеи посылать собственных детей в школу для обучения чтению и письму, гильдии еще не дошли[22 - Wendehorst (1986), 28–30.]. Однако экономика усложняется, производство растет, торговля становится международной – и теперь уже не всей гильдии, а каждому хоть сколько-нибудь крупному купцу необходим такой клерк. Постоянно иметь его при себе и возить с собой во все поездки выходит накладно, неудобно, да и мало ли какую коммерческую тайну он может невольно или нарочно разболтать… Все идет к тому, что рано или поздно придется учиться грамоте самим.

Городские школы – независимые от церкви и подчиняющиеся городским властям – появляются в XIII веке в крупных, а в XIV веке уже и во многих средних городах. Финансируют их, в основном, богатые купцы. Они и «заказывают музыку»: меньше религиозных текстов, обучение чтению и письму тематически ориентировано на реальную экономику. Считать дети купцов и ремесленников учатся не для расчета церковных праздников, а для ведения бухучета, так что арифметика изучается особенно тщательно, причем с XIV века используются арабские цифры, которые для бизнес-документации гораздо удобнее римских. Город нанимает учителей и составляет школьную программу с учетом экономической ситуации и спроса на конкретных специалистов, которые нужны для торговли, ремесел, управленческой службы. Наиболее плотная сеть латинских городских школ – в Италии[23 - Wendehorst (1986), 28–30.]. Севернее Альп самый экономически развитый и наиболее урбанизированный регион к середине XV века – Нидерланды, там число городских школ быстро растет, и их благотворное влияние на экономику становится очевидным. И если в Амстердаме, который тогда считался глубокой провинцией, около 1500 года было всего две городских школы, то в продвинутом Антверпене – целых пять[24

- Langereis (2014).].

В XV веке чтение, письмо и счет уже считаются абсолютно необходимыми умениями для предпринимателя, а между «учеными» и «неучеными» появляется прослойка «образованных», которые владеют определенными знаниями, необходимыми в общественной и экономической жизни, не занимаясь при этом наукой. В это же время начинается быстрый рост книжной продукции – пока что рукописной. Широкое распространение бумаги, которая вытесняет пергамент, существенно удешевляет книги. Спрос на них растет. Гутенберг занялся изобретением печатного пресса вовсе не потому, что это весело и интересно, – он искал рентабельный способ увеличить и улучшить книжную продукцию, потому что на тот момент это было актуальной проблемой в книжном бизнесе.

* * *

В современной историографии в один голос утверждается, что главная причина скачкообразного повышения уровня грамотности в Европе XVI века – это Реформация, в частности, лютеранский принцип sola scriptum. И это правда. Но был и более ранний скачок – в XV веке, и без него никакой Реформации наверняка не было бы: без новой экономической реальности, когда все больше людей умели и хотели читать, без гуманизма, без развитой типографской инфраструктуры и книготорговли, которые позже сделали возможным распространение реформаторской литературы[25 - Kaufmann (2017), 25, 34.]. Можно говорить о двух параллельно развивающихся трендах – экономическом и религиозно-политическом. Люди учились читать, чтобы получить практические знания, иметь лучшие профессиональные шансы и добиться успеха в жизни. Люди учились читать, чтобы постичь некую абстрактную истину, понять законы существования этого мира и найти свое место в нем. И эти два стремления легко могли сочетаться в одном человеке.

В XV веке мир радикально расширился: португальцы обогнули Африку и достигли Индии, а в начале XVI столетия доплывут до Китая; в начале века люди еще жили на плоской Земле, к концу его Колумб, руководствуясь идеей шарообразности Земли, открыл Америку. Произошли серьезные изменения в экономике, усложнилась деловая активность, состоялись политические и управленческие реформы. Зарождается мануфактурное производство с разделением труда и использованием техники. Появляются новые типы организации и более сложные технологии. Не везде, конечно. Но там, где это

случилось, людям вдруг понадобилось умение читать и даже писать. Информации становится все больше. Намного больше.

Немецкий исследователь в области теории коммуникаций Рудольф Штёбер считает, что начало XVI века очень напоминает наш «век глобализации». Скачкообразно расширяется и уплотняется сеть международной торговли; предприятия открывают и завоевывают иностранные рынки, обосновываются в землях с чужой культурой и менталитетом; возникают и связываются между собой новые информационные каналы. Новые технологии и изобретения, дух предпринимательства и научные открытия определяют лицо эпохи. Экономические центры тяжести смещаются, теперь растут города и предприятия, занимающиеся международной торговлей и высокими технологиями. Люди вдруг получают доступ к огромному многообразию товаров, а еще ошарашены количеством свалившейся на них информации – о ближних и дальних странах, их культурах и обычаях, о событиях, личностях…[26 - St?ber (2005).]

Торговые центры становятся центрами информационными. В Аугсбург стекаются новости из Италии и из Нового Света – потому что тамошние купцы финансируют атлантический флот. Чтобы потом разойтись по всей Европе. Вена собирает новости из Балканского региона; Кельн – из германских земель, Фландрии, Испании, Англии, Франции; Гамбург и Любек – из Скандинавии. Потребление информации стремительно растет, а значит, ее нужно фиксировать и тиражировать. Кроме того, грамотности требует изучение и применение новых технологий. Если бы европейцы не осознали, что школы – это экономически выгодно, никто не стал бы содержать помещения, платить учителям и лишать детей возможности полноценно работать с раннего возраста.

На рубеже XVI века открывается все больше школ, и все равно их постоянно не хватает. Впрочем, в некоторых регионах с рассеянным населением (Скандинавия, Пиренейский полуостров, Альпы) грамотность распространяется в основном через домашнее обучение.

В высоко урбанизированных местностях с большой плотностью населения и большим количеством школ грамотность выше. Однако не стоит представлять себе нечто вроде современной системы образования, когда сеть школ покрывает всю страну, охватывая каждый город и деревню, а в школу ходит каждый ребенок. Школ все еще очень и очень мало. Обязательного посещения пока что нет, и в большинстве стран еще долго не будет. Они существуют только для тех,

кто осознает важность образования, а также имеет средства его оплатить.

И снова придется затронуть финансовый аспект: у простого люда доступ к печатным книгам, которые становятся носителем всевозможных знаний и инструментом образования, даже с началом Реформации все равно был ограничен – банально по причине их дороговизны. Общественные библиотеки, где такие существовали, были редкостью. Исторические данные показывают, что с середины XVI века все больше и больше людей владело книгами, но это были не самые бедные люди[27 - Houston (2012), 16.]. О важности для повышения уровня грамотности тех дешевых изданий, которые начал выпускать итальянец Альд Мануций, а за ним – гораздо более массово – Кристоф Плантен, мы еще поговорим.

Доступ к школьному образованию, который был далеко не у всех, зависел от множества факторов: регион проживания, пол, происхождение, обеспеченность семьи и принадлежность ее к той или иной профессии, и многое другое. Большую роль играло вероисповедание. Из лютеранского принципа sola scriptum следует желательность массового обучения чтению: еще в 1524 году Мартин Лютер обратился к правителям немецких земель с требованием учредить как можно больше школ. И впоследствии введение обязательного школьного образования началось именно в протестантских землях. Протестанты были намного более грамотными, чем католики, владели в среднем большим количеством книг. Если в 1520 году в герцогстве Вюртемберг было 89 школ, то в 1600-м уже 400. В местах, где католики и протестанты жили рядом (Франция, Швейцария, Нидерланды), протестанты были всегда более образованны. Среди них была выше доля ремесленников, купцов и представителей свободных профессий – эти занятия предполагали грамотность[28 - Houston (2012), 6–9; Bartnitzky (2016).].

Образование женщин строилось совершенно по иному принципу. Все, что говорилось выше о школах, – говорилось о школах для мальчиков. Девочкам требовались другие качества и способности, а обучение происходило обычно дома или в монастыре. В большинстве стран Европы женщина вплоть до эпохи Просвещения – за исключением отдельных случаев – не принимала участия в общественной жизни. Отступали от этого правила только Нидерланды.

Серьезной проблемой для распространения грамотности стало многообразие наречий и диалектов, на которых говорили в Европе. Людей нужно обучать чтению и письму – к этой мысли к началу XVI века уже начали привыкать. Но на

каком языке учить? Даже в 1800 году семь из десяти жителей Уэльса не говорили по-английски, только по-валлийски. Франция вплоть до революции и даже после нее была лоскутным ковром в плане диалектов: классический французский (langue (Toil), который используется сейчас, к 1790 году был преобладающим языком только в 15 из 89 департаментов. При общем населении 28 млн человек 6 млн вообще не говорили на французском и не понимали его, еще 6 млн понимали, но говорили довольно плохо. Только 3 млн могли говорить на «официальном» французском нормально. В тех регионах, где преобладал старый южный диалект языка (langue d’oc), грамотность всегда была существенно ниже[29 - Houston (2012), 14.].

Германия вплоть до XX века – пестрое собрание диалектов, носители которых даже сегодня могут не понимать друг друга.

Чтобы организовать массовое системное школьное обучение, нужно, чтобы люди говорили на одном языке, чего европейским странам не удавалось достичь очень долго. В этом плане перевод Лютером Библии на немецкий язык – начало современного Hochdeutsch – эпохальное событие, ведь эта Библия дала начало единому немецкому языку. Французский толковый словарь Робера Этьенна – примерно той же важности. Подготовленный Корнелисом Килианом и изданный Плантеном голландский толковый словарь, с которого начался единый литературный голландский язык, – огромный шаг к тому, чтобы научить Нидерланды читать и писать.

* * *

Идея об обязательном посещении школы для всех впервые была реализована протестантами. Но не лютеранами, а кальвинистами. В 1536 году с подачи Жана Кальвина обязательное посещение ввели в Женеве, через пару лет – в Берне. В 1592 году оно появилось в немецком герцогстве Пфальц-Цвайбрюкен, шесть лет спустя – в Страсбурге. В 1616 году в Шотландии «Законом об учреждении школ» оно было введено в каждом приходе (с 1496 года там уже было обязательное посещение школы для дворянских детей). Но это были, скорее, капли в море. В течение XVII века мелкие немецкие государства одно за другим учреждали у себя обязательные школы. Но о школьной системе можно говорить лишь с XVIII века, когда крупные государства постепенно становятся централизованными: в 1717 году Фридрих II Великий создал систему школ и ввел обязательное образование (но не посещение школы!) в королевстве Пруссия, в 1774-м – при

императрице Марии-Терезии – оно появилось в Австро-Венгрии. Во Франции систему начальных школ создали только в 1833 году, а в Норвегии публичные школы появились, например, еще в 1739 году.

Основная разница между обязательным образованием и обязательным посещением школы состояла в том, что качество внешкольных занятий невозможно было проконтролировать. Скажем, по прусским законам, глава семьи был обязан дать детям образование, но посещение школы предполагалось на случай, «если он не может или не хочет обеспечить обучение в своем доме». Состоятельные семьи обычно нанимали учителей. И школа и учитель стоили денег, а до школы нужно еще как-то добираться… В общем, подсчитав все расходы, глава семьи мог придти к выводу, что домашний учитель – особенно если детей в семье много – не сильно дороже. Впрочем, он мог обучать детей и сам: чтение, письмо, счет – требовались начальные навыки. И это было бесплатно! Проследить, хорошо ли отец, заявивший, что обучает своих детей дома, учит их, и учит ли вообще, было в те времена нереально. При этом тогдашние родители часто возмущались тем, что государство указывает им, как воспитывать детей, вмешиваясь в их родительские права[30 - Tenorth (2014).].

В XVIII веке подавляющая часть населения Западной Европы жила в сельской местности, дети с ранних лет работали со взрослыми. Даже если родителям пришлось теперь отпускать их учиться – найти помещение для школы часто было непросто, не хватало и учителей, детям всех возрастов приходилось учиться в одном классе. В Австро-Венгрии на момент принятия в 1774 году закона об образовании школу посещала только одна шестая часть детей школьного возраста. Впрочем, к 1784 году эта доля составляла уже три пятых, а в 1828 году – девять десятых. При сыне Марии-Терезии Иосифе II начальные школы для мальчиков стали даже бесплатными!

Но за школьное образование девочек родителям по-прежнему приходилось платить[31 - Houston (2012), 22.].

Введение всеобщего школьного образования в XVII–XVIII веках было реакцией тогдашних правителей на два тренда, которые стали результатом массового распространения доступной по цене книжной продукции: бурное развитие науки и техники и рост критического мышления и вольнодумства. Ключевую роль в этом сыграл типографический концерн Плантена. Теперь печатная книга стала основным носителем знаний, а чтение оказалось важнейшим навыком при обучении любой более или менее сложной профессии, так что подданных нужно

было срочно учить читать. С другой стороны, нужно было знать и контролировать, что именно они читают и как осмысливают прочитанное, научить их мыслить единообразно и лояльно (сегодня это называется вторичной социализацией), иначе рано или поздно революции не избежать. Обе задачи должно было решить обучение детей по единой школьной программе.

* * *

Но в годы юности Кристофа Плантена у правителей пока что другие заботы. Никакой школьной системы не существует, научиться читать и особенно писать даже в Париже можно лишь в немногих местах, попасть куда может вовсе не каждый. Доступ к образованию во Франции в первой половине XVI века ограничен, тем более для детей простолюдинов. Выше не случайно говорилось об огромной удаче – без нее шансов выучиться чтению и письму, этим уже набирающим популярность, но все еще довольно редким умениям, у маленького Кристофа попросту не было. И здесь самое время задать вопрос о количестве грамотных: так сколько же их все-таки было?

Никаких точных цифр назвать нельзя. В XVI веке не то что демографической статистики не велось – даже обычных переписей не проводилось, так что данные о населении европейских стран у нас есть только приблизительные. Объективные индикаторы или источники, дающие представление о ситуации с грамотностью, найти сложно. Одним из таких источников стали брачные свидетельства, по которым хотя бы можно определить, какой

процент мужчин и женщин умел писать собственное имя. Как мы знаем, письму в тогдашних школах обучали после чтения, так что логично предположить, что эти люди умели читать – хотя бы на «полуграмотном» уровне.

Сколько-нибудь полных данных по времени Плантена у нас нет. Столетием позже, в XVII веке, уже после реформ образования, вызванных Реформацией и Контрреформацией, во Франции только 30 % мужчин и 14 % женщин могли поставить подпись, а не крестик, под собственным брачным свидетельством. В Англии эти проценты были выше, чем во Франции. В урбанизированных Нидерландах выше, чем в Англии: в 1630 году в Амстердаме почти две трети мужчин и только треть женщин могли поставить свое имя на брачном свидетельстве[32 - Langereis (2014); Houston (2012), 4, 10.]. Эти люди были, по

крайней мере, в состоянии разбирать ранее заученные наизусть религиозные тексты. Но вопрос о том, сколько из них были грамотны в нашем понимании этого слова – то есть в состоянии читать и понимать незнакомый текст – остается открытым.

Информацию об образованности тогдашних европейцев могут дать и более экзотические документы. Скажем, по данным испанской инквизиции, число обвиняемых, хорошо знакомых с десятью заповедями, увеличилось с 40 % в 1560-1570-е годы до 80 % в 1580-е; число «полностью неграмотных» (то есть, видимо, с заповедями совсем незнакомых) сократилось в это же время с 50 % до 10 %[33 - Houston (2012), 9.].

Среди разрозненных данных, приводимых разными авторами, мы находим следующие интересные цифры. К началу Реформации (1517 год) в Священной Римской империи умели читать в среднем от 10 % до 30 % городского населения, в Англии этот процент был выше и еще намного выше в Нидерландах[34 - Wendehorst (1986), 32.]. К концу Средневековья писать умели точно меньше 10 % мужчин в Европе, доля женщин, освоивших письмо, была ничтожно мала[35 - Houston (2012), 10. Это, на взгляд автора, даже слишком оптимистическая оценка.]. В середине XV века не все студенты немецких университетов умели писать, хотя академические занятия уже включали в себя записывание лекций. Впрочем, к началу XVI века они писать научились[36 - Wendehorst (1986), 24.]. В северной Англии процент неграмотных среди дворян снизился с 30 % в 1530 году почти до нуля в 1600 году, но в сельской местности доля неграмотных была по-прежнему более 90 %[37 - Houston (2012), 11.].

Тот по-настоящему взрывной рост грамотности до 90-100 % в крупных городах, который стал пиком второй информационной революции, и в котором Officina Plantiniana сыграла огромную роль, наблюдается далеко не сразу после изобретения печатного пресса. И даже еще не при Плантене. Радикальное расширение ассортимента книжной продукции, ее удешевление, огромные тиражи – для своего времени это было, несомненно, революционно. Особенно учитывая то, что было раньше. Плантен был первым из тех, кто сделал книгопечатание массовой технологией, а печатную книгу – главным вместилищем знаний. Но понадобились еще пара столетий, чтобы на основе нового носителя информации возникли новые формы образования и школьная система.

По меркам, скажем, XVI века, наш мир живет просто с бешеной скоростью, нам же, наоборот, жизнь того времени может показаться удивительно медленной. Между выходом книгопечатания на массовый уровень и массовой грамотностью прошло немногим более двухсот лет – это долго или быстро? Если учесть тот факт, что европейскому школьному образованию, чтобы эволюционировать до городских латинских школ – примерного аналога римских городских школ, – понадобилась почти тысяча лет…

В XVII веке грамотность уже играла намного более важную роль в жизни человека, чем в конце XV века. К 1800 году она стала абсолютно необходимой в общественной и экономической жизни. Родилась новая культурная Вселенная[38 - Houston (2012), 19.]. В Скандинавии после кампании по ликвидации неграмотности при введении в стране лютеранства в середине XVII века только треть взрослых могла выдержать в церкви экзамен на чтение (чтение значимых мест из Библии), через сто лет этот экзамен выдерживали уже четверо из пяти. В середине XVIII века в Париже и Лондоне грамотного населения было уже 90 %[39 - Ibid, 10–15.].

С другой стороны, в сельской местности Англии и Франции в это же время почти такой же процент неграмотных. В Германии в 1750 году, по утверждению одного педагога, только 10 % людей были способны к критическому осмыслению прочитанного текста, а другой педагог сообщает, что данные по северной части Франции дают долю «хорошо образованных» людей менее чем 5 %[40 - Grevet (1985), 609–632.]. Некоторые страны как будто вообще выпали из информационной революции: в 1890 году 76 % португальцев старше семи лет были неграмотны, в 1911 году эта доля составляла 70 %, в 1930-м – 68 %, и только в 1940-х годах больше половины португальцев умели читать и писать – этого уровня Англия достигла на 100 лет, а Германия и Шотландия на 150 лет раньше[41 - Houston (2012), 23.].

* * *

В заключение экскурса об образовании стоит, пожалуй, затронуть распространенное представление о поголовной грамотности монахов и священников в «темной» средневековой Европе: безграмотные рыцари, безграмотные крестьяне, почти безграмотные горожане – и грамотное духовенство, носитель всех возможных знаний. Миф или не миф? Не стоит, конечно, абсолютизировать, но уровень образования в духовном сословии и

вправду был намного выше, чем в других. Христианство – книжная религия, так что навыки чтения и письма, несомненно, были необходимы для тех, кто нес слово Божье.

По каноническим правилам человек, не умеющий читать, не мог стать священником. Но из каждого правила, как известно, бывают исключения, да и под умением читать, как мы выяснили, часто понималось умение идентифицировать буквы и складывать из них слова, без понимания смысла текста. Священников нужно было много, спрос на них постоянно увеличивался с ростом населения. Их основная функция состояла в том, чтобы знать Священное Писание и разъяснять его смысл прихожанам, а помнят ли они его наизусть или читают, могут ли читать другие, посторонние тексты – так ли это важно?

Да, в Средневековье образование перешло в руки духовенства. Из присутствия в монастырях детей некоторые авторы – не обязательно обоснованно – делают вывод, что там существовали школы в современном смысле этого слова. Но вообще-то детей отдавали туда для христианского воспитания, по пути обучая чтению – оно шло скорее как дополнительный навык с прицелом на чтение религиозной литературы[42 - Wendehorst (1986), 14–15.]. Не будем забывать о том, что в монастырях воспитывали также и девочек, и вот их читать никто не учил. Обучение письму, которое, как мы помним, воспринималось больше как ремесло, действительно долгое время было монополией монастырских и кафедральных школ. Но это было не «образование», а именно обучение «специальности», которую получали не все монахи, а только некоторая их часть.

А теперь несколько примеров из Средневековья. На имперском синоде во Франкфурте в 1007 году на документе об основании епископства Бамберг, под которым подписались почти все епископы империи, нет ни одной собственноручной подписи – только крестики! Документы знаменитого аббатства Санкт-Галлен в Швейцарии, дошедшие до нас из XIII–XIV веков, показывают, что далеко не все монахи и священники умели писать.

В 1320 году в бенедиктинском аббатстве Сен-Пон близ Ниццы из 18 монахов (десять из них четко определили себя как священники) 16 писать не умели. В немецком Миндене в 1324 году 8 из 14 каноников не умели писать, в Вюрцбурге в 1333 году – 5 из 6, в Бамберге в 1422 году – 6 из 12[43 - Wendehorst (1986), 20–22.].

Ничего страшного в неумении писать для монаха или священника не было. Для епископа тем более: все документы подготавливались канцелярией, имя епископа писал клерк, оставалось лишь поставить крестик или приложить персональную печать. Если задуматься: сегодняшние руководители тоже сами не составляют и уж тем более не пишут от руки и не набирают на компьютере текст документов. Секретарь подготавливает текст, печатает имя и инициалы шефа, тому остается поставить подпись – какую-нибудь непонятную закорючку, не так уж сильно отличающуюся от крестика.

Судя по документам Святого престола XIII–XIV веков, неграмотными в церкви считались только те, кто не умел читать. И среди носителей высоких духовных санов такие тоже были, особенно много в Италии. Известны случаи увольнения епископов в связи с несоответствием занимаемой должности – они не умели читать[44 - Wendehorst (1986), 23.]. Не будем углубляться в то, как эти епископы свои должности получили, – церковные посты на протяжении веков с успехом продавались, даже и неграмотным. По-видимому, в упомянутых случаях неграмотность епископа становилась формальным предлогом для увольнения в борьбе за теплое местечко. В то же время, к концу XIV века многие представители духовенства, прежде всего каноники, начинают активно посещать университеты, которых появляется в Европе все больше. Теологические факультеты, представляющие, так сказать, научное христианство, растут и процветают. Одним из таких священников, в начале XVI века учившихся во французских университетах, был каноник Порре. Об университете мечтал и юный Кристоф Плантен.

Крушение надежд

Сыну камердинера, пусть даже талантливому и достаточно образованному, мечтать об университете было бы слишком смело. Но Кристоф надеялся. Знал, что у него хватит способностей. Хотел стать ученым. В принципе, формальных бюрократических преград для этого не было. Тот же Мартин Лютер, отучившийся в университетах Эрфурта и Виттенберга и получивший докторскую степень по теологии, происходил из простолюдинов – его отец был горнорабочим. Правда, разбогатевшим горнорабочим, сумевшим купить имение и избраться в городской совет. У Жана Плантена таких средств, по-видимому, не было. В один прекрасный день он вернулся из Парижа в Лион, чтобы, прихватив там следующего молодого Порре или Пюпье, отправиться с ним в университет

Тулузы. А четырнадцатилетнего Кристофа оставил в Париже совсем одного.

Прежде чем назвать Жана плохим отцом, стоит заметить, что 14 лет в то время – это уже далеко не ребенок.

Это как раз тот возраст, когда от молодого человека ожидалось вступление во взрослую самостоятельную жизнь. Современные тинэйджеры считаются большими детьми чуть ли не до 20 лет, не неся никакой ответственности за собственную судьбу. А тогда в 14 лет юношам можно было жениться. В 14 лет, и даже раньше, молодые люди начинали обучаться профессии, а те, кому родители не могли предложить материальную поддержку, – зарабатывать на жизнь сами. Те, кто выбирал какое-то сложное ремесло, в 14 лет как раз поступали учениками к мастеру, чтобы учиться и параллельно работать. Поэтому не стоит жалеть «брошенного» отцом мальчика – сам себя он в тот момент вряд ли жалел. Впрочем…

Кристоф остается в столице совершенно один, с некоторой суммой денег «на обучение», которой на университет явно не хватит. Чувствует ли он себя потерянным? Одиноким? Разочарованным? Обижен ли на отца? Если честно, неизвестно, обещал ли Жан сыну что-то конкретное, или парень просто верил в то, во что хотел верить, втайне надеясь, что все может получиться. Учитывая обстоятельства, отец и так, похоже, сделал для него все, что мог, и даже больше. Уже в зрелом возрасте в одном из писем Плантен упоминает о том, что в юности хотел стать преподавателем или ученым – оба занятия подразумевают высшее образование[45 - Langereis (2014), note 8.]. Конечно же, он надеялся, что отец заберет его в Тулузу, как обещал, возможно, в тамошний университет, однако этого не произошло.

Так о чем же именно мечтал молодой Плантен?

Первые университеты появляются в Европе в XI веке. Самыми старыми считаются юридическая школа в итальянской Болонье, основанная в 1088 году, и медицинская школа в итальянском же Салерно, созданная в 1057 году.

Но это были, по сути, просто самостоятельные факультеты, не более чем с пятью преподавателями каждый, скорее, «протоуниверситеты». В XII–XIII веках учреждены первые настоящие университеты: в Париже (между 1150 и 1170

годом), Оксфорде (1167 год), Кембридже (1209 год), Саламанке (1218 год), Монпелье (1220 год) и Падуе (1222 год).

Эта первая волна основания университетов отлично укладывается во временные рамки так называемой Investiturstreit в Священной Римской империи – борьбы за инвеституру (право назначения епископов и аббатов) между светской и духовной властью, то есть между императором и папой римским. Епископы и аббаты на имперских территориях – все-таки правители, так что император считал их назначение своей прерогативой; папа же заботился об их лояльности церкви, поэтому приписывал данное право себе. В стремлении к независимости от Святого престола германские императоры задумались о необходимости иметь в канцелярии собственных специалистов, клерков и чиновников, умеющих читать, писать и знающих право; до сих пор эти функции исполняли ученые монахи.

Так что правовую школу Болоньи (тогда город находился в пределах империи) они всячески поддерживали, а в 1155 году Фридрих Барбаросса официально закрепил ее правовую автономию.

Папы тоже поняли всю пользу зарождающихся университетов и попытались взять этот процесс под свой контроль, чтобы сохранить монополию церкви на знания. Развитие Парижского университета проходило уже под патронажем Рима.

Но университеты всегда стремились к независимости. Словосочетание «академическая свобода» практически священно для любого европейского университета и по сей день.

Европейский университет позднего Средневековья и Нового времени – это свободная общность студентов и преподавателей с широкими правами самоуправления. Настолько самостоятельная, что университеты могли даже вершить правосудие. Существовало понятие civitas academica – «академическое гражданство»: преподаватель или студент находился под юрисдикцией не страны или правителя, а университета – как будтопереезжал в другую страну. Первым этапом обучения были семь свободных искусств, после этого студентмог выбирать, что изучать дальше: право, медицину или теологию. До получения ученой степени магистра или доктора оставались учиться немногие. Большинство дворян ограничивалось свободными искусствами, даже не все

представители духовенства продолжали теологическое обучение до конца. Но молодой Плантен, похоже, метил на самый верх – чтобы стать преподавателем, нужно было получить степень магистра, а если строить академическую карьеру ученого, часто приходилось пройти весь долгий путь – до докторской степени. Таких людей во всей Европе тогда было всего несколько сотен.

В то время университеты представляли собой своеобразные закрытые элитарные корпорации, причем элитарность выводилась не из происхождения или богатства, а из обладания знаниями и доступа к ним. В современном мире ощущение привилегированности давно пропало – в крупных университетах учатся по несколько десятков тысяч человек, и доступ туда в большинстве стран открыт почти для каждого, кто обладает достаточными способностями: даже страны с платным высшим образованием предлагают молодежи гибкую систему студенческих кредитов. Но во времена Плантена университеты, которых уже довольно много, все еще остаются эксклюзивными заведениями – храмами знаний, доступ в которые открыт лишь немногим посвященным. Молодому юноше, влюбленному в книги, университет должен был казаться волшебным миром, живущим по своим магическим законам, где вершится великое таинство науки и лучшие из умов трудятся вместе в мире и гармонии, объединенные общей священной целью – создание и сохранение знания.

С сегодняшней точки зрения назвать тогдашние университеты средоточием всех знаний мира, конечно, сложно. Во-первых, в Европе понятия не имели о науке и философии Азии и даже мало что знали о достижениях соседей – арабского Востока. Во-вторых, вся совокупность европейских научных знаний того времени была, если сравнивать с современностью, очень небольшой, а наука основывалась в меньшей степени на актуальных открытиях и достижениях, и в гораздо большей – на наследии прошлого. Очень ценились античные авторы. Их тексты за прошедшие столетия много раз переписывались, накапливая неточности, ошибки, анахронизмы и вольные интерпретации. В XVI веке стало модным находить наиболее старые версии античных трудов, чтобы прочитать «оригиналы», свободные от средневековых комментариев, компиляций и обработок. Греческая философия была образцом философии, римское право – эталоном в правовых дисциплинах, работы Гиппократа, Галена, Авиценны – учебниками по медицине, античные труды по астрономии и физике считались актуальными и научно верными. Любой студент должен был, прежде всего, изучить «древних» и руководствоваться их познаниями.

Современные студенты тоже сначала изучают классиков, а таже историю своей будущей профессии, которая и вправду часто уходит корнями куда-то в античность. Студенты-юристы, готовясь к сессии, недоумевают, зачем им история римского права, когда Рим давно уже пал, студенты-медики злятся, что ко всему прочему им приходится тратить время на Гиппократа, Галена и Парацельса, а уж будущие инженеры тем более не могут взять в толк, зачем их пичкают философией древних.

Подобные исторические экскурсы ограничиваются обычно первым курсом, а в XVI веке занимали почти все время учебы. Античных авторов зачитывали на лекциях, студенты зубрили их наизусть.

С другой стороны, именно в XVI веке центр тяжести стал смещаться от изучения классиков к исследованиям как таковым: собирать, записывать и анализировать собственные данные, сопоставляя их с данными коллег. Научная дискуссия между учеными из разных университетов и стран, точнее, ее зачатки, стала возможной благодаря печатному слову. Издавать собственные труды они догадались не сразу после изобретения печатного пресса, а затем тиражи были совсем небольшими. Одним из первых, кто начал публиковать их крупными тиражами, как раз и стал издатель Плантен.

* * *

В университетах XVI столетия готовят по трем основным специальностям – пастор, юрист и врач. Точные и естественные науки в это время только-только зарождаются, с большим трудом выбираясь из рамок греческой натурфилософии. Пока что они изучаются в рамках семи свободных искусств – по тогдашним понятиям это на ступень ниже, чем перечисленные три профессии. Астрология и алхимия еще считаются полноценными науками, но скоро Коперник предложит гелиоцентрическую систему мира, а к началу следующего века прогремят имена Фрэнсиса Бэкона, Галилео Галилея и Иоганна Кеплера.

Все «технические» – как мы сейчас сказали бы: «инженерные» – профессии, имеющие отношение к материальному производству, изучаются не в университетах и даже не в специальных школах, а в гильдиях и цехах, непосредственно у мастеров. Учеба совмещается с работой – никаких античных авторов, просто наблюдай и учись делать так же.

И все равно университет был чудесным миром! То хорошее классическое школьное образование, которое получил Плантен, предполагает, что его учителями были люди, хотя бы по нескольку лет в университете проучившиеся. Возможно, школьником он с волнением и трепетом слушал рассказы наставников об их студенческой жизни, о лекциях, о библиотеках, о книгах – целые горы книг, где написано все обо всем! С упоением фантазировал, забывая о том, кто он и откуда, что когда-нибудь и сам сможет оказаться в одном из этих удивительных мест в качестве студента, а потом – кто знает! – может быть, даже профессора. Он, несомненно, лучше, чем кто-либо другой, ощущал контраст между тупой и грубой реальностью простолюдинов, принужденных думать лишь о том, как прокормиться, и прекрасным возвышенным миром знаний. Школьное образование и знание латыни приоткрыли для него дверь в этот чарующий мир, куда люди его круга никогда не заглядывали. И теперь он хотел туда. Стремился всей душой.

С университетом не вышло. Но биографы Плантена в один голос утверждают, что всю оставшуюся жизнь он испытывал настоящее благоговение и огромный пиетет перед наукой, неподдельное восхищение и искреннее уважение по отношению к ученым, постоянно пытаясь снова найти эту заветную дверь в мир знаний. Однако жестокая реальность диктовала свои правила. Было бы преувеличением сказать, что его бросили во взрослую жизнь, как ребенка бросают в воду, чтобы он сам научился плавать. Кристоф был образован, так что стартовые условия у него были лучше, чем у миллионов юношей его сословия, – в воду его бросили со спасательным кругом. Но все равно: даже с кругом нужно было как-то плыть. Возникла острая необходимость получить профессию. Поставленный перед необходимостью самостоятельно зарабатывать на жизнь, он все еще не может, не хочет отпустить свою волшебную мечту – мечту о книгах. Поэтому выбирает занятие, в котором может быть к ним как можно ближе.

О том, что произошло дальше, мы знаем из того самого письма Пьера Порре, где упоминается раннее детство нашего героя, – это единственный настоящий исторический источник о первых тридцати годах его жизни. Плантен едет в Кан, в Нормандию, и поступает учеником к книготорговцу и переплетчику: «Увидев это (что отец не намерен брать его в Тулузу. – Авт.), ты поехал в Кан и поступил на службу к одному книготорговцу. Потом, через несколько лет, ты женился в этом городе, а я стал учеником аптекаря. Затем ты перевез семью в Париж, где мы постоянно общались, а в 1548 или 1549 году ты переехал в Антверпен, где и живешь теперь»“. Вот и все.

Факт отсутствия каких-либо записей о молодости Плантена, кроме письма Пьера Порре, написанного при весьма странных обстоятельствах, довольно примечателен. Почему он не оставил никаких заметок о раннем этапе своей жизни? Даже если он был чрезвычайно скромен и не написал мемуаров, записать какие-то сведения могли бы дети, внуки, друзья… Где, как не в среде типографов и ученых, люди должны были понимать важность заботливого фиксирования информации о прошлом? Сохранился ведь архив семьи Плантен – очень подробный, с множеством мелочей, там есть все и обо всех… кроме самого основателя типографии. Похоже, потомкам о своей юности он почти ничего не рассказывал. Были ли у него причины скрывать то, где он жил и что делал до приезда в Антверпен? А в результате Бальтазару I самому пришлось выдумывать семейные легенды о дедушке.

Леон Воэ обращает наше внимание на странность и неоднозначность упомянутого письма Порре к «брату» Кристофу, написанного 25 марта 1567 года. Этой весной испанская армия герцога Альбы движется к Нидерландам, чтобы разобраться с протестантами и раз и навсегда навести там католический порядок; по ряду причин, о которых еще пойдет речь, над Плантеном и его типографией нависла серьезная угроза. И тут письмо от Порре, который сообщает, что он всячески восхвалял стойкий католицизм друга перед Генрихом Ангулемским, объясняя тому причины их близкой дружбы и рассказывая об их молодости, а именно… и тут Пьер детально описывает, что именно о молодости Плантена он рассказал герцогу. Воэ замечает по этому поводу: «Как будто Порре хочет предупредить: я не рассказал ничего лишнего, только это»". Зачем Плантену такой подробный пересказ событий собственной юности? Он знает о них лучше, чем кто-либо. Иными словами, Порре излагает Плантену версию событий их молодости, которой они оба должны держаться. Герцог Ангулемский – внебрачный сын французского короля Генриха II, глава ордена госпитальеров и известный борец с ересью, в будущем один из командующих королевской армией в войне с гугенотами. Один из тех людей, перед которыми лучше иметь хорошую репутацию…

Порре, к сожалению, не говорит о слишком многих вещах. Например, почему Жан Плантен, по описанию самого же Пьера, добрый человек и исключительно любящий и заботливый отец, не забрал сына с собой в Тулузу? Что вообще случилось с Жаном дальше? Порре упоминает, что он похоронен в Лионе, но у Плантена до сих пор не было возможности посетить отцовскую могилу, хотя он горячо этого желал. Собственно, почему молодой Плантен не остался в Париже? Зачем поехал в провинциальный Кан? На большинство этих вопросов никогда не будет ответа.

Итак, на календаре – тогда все еще юлианском – 1534 или 1535 год. В Священной Римской империи продолжаются беспорядки, вызванные Реформацией. Секта анабаптистов захватила город Мюнстер. В Англии король Генрих VIII провозглашает независимость от Рима и учреждает англиканскую церковь. В Париже Игнатий Лойола основывает орден иезуитов. Французский мореплаватель Жак Картье открывает Ньюфаундленд и высаживается в Квебеке. Конкистадор Франциско Писарро основывает в Южной Америке Сьюдад-де-лос-Рейес – в будущем столица Перу Лима. А Кристоф Плантен собирает свои пожитки и едет из Парижа в Кан.

Ученик и слуга

Кроме письма Порре пребывание Плантена в Кане подтверждается двумя другими источниками, пишет Сандра Лангерайс. Они даже сообщают имя его мастера – Робер Масе II (1503–1563), – а также тот факт, что именно у Масе Плантен познакомился с Жанной Ривьер, которая станет его верной спутницей на всю жизнь. Возможно, она была одной из служанок в доме Масе. Но почему же все-таки Кан? Лион, где он провел несколько прекрасных детских лет, был вторым после Парижа центром книгопечатания, книготорговли и переплетного дела во Франции, город активно развивался и богател. Почему Кристоф не захотел или не смог туда вернуться? Тулуза, кстати, тоже была крупным книжным центром, так что, имея на руках некую сумму денег, наш герой мог бы поехать туда – даже независимо от отца – и найти себе достойное место учебы. Он ведь мог податься куда угодно, предоставленный сам себе.

Мог ли он, например, остаться в Париже? Лангерайс выдвигает предположение, что у Кристофа не было никаких причин желать покинуть этот прекрасный город, но учиться ремеслу в столице оказалось для него попросту слишком дорого. То есть ему еще раз пришлось уяснить себе, что дело не в таланте или желании – он просто недостаточно богат. Но вот в нормандском Кане, как он слышал, много мастерских, работающих для парижской книготорговли, между этим городом и столицей прекрасно налажены деловые связи. Это также был университетский город – хоть и провинциальный, но с настоящими студентами, преподавателями и учеными, которые активно потребляли высокотехнологичный продукт своего времени – печатные книги.

Кристоф сделал неплохой выбор: Робер Масе – известный в Нормандии и за ее пределами книготорговец и переплетчик, и именно семья Масе всего поколение назад ввела в Нормандии книгопечатание. Биографы часто ошибочно сообщают, что у Масе Плантен учился печатному делу. По словам Лангерайс, некоторые типографы в то время действительно промышляли также книготорговлей и переплетами, но, в отличие от своего знаменитого отца, Робера Масе I, его сын книгопечатанием до 1550 года не занимался, только переплетами и торговлей. Впрочем, это не значит, что он не умел печатать и не мог научить этому Плантена. От отца должно было остаться оборудование. И в самом деле, уже после того, как Плантен давно покинул Кан, Масе некоторое время все же печатал книги. Однако учеников он имел право брать только по одной специальности – переплетное дело. Именно переплетчиком позже и станет Плантен, переехав в Антверпен.

Переплетчик – одно из сложнейших ремесел. Обучение занимало обычно до десяти лет, столько же, сколько обучение, например, ювелирному делу. Это в два раза дольше, чем учеба на пекаря или сапожника. Правда, впоследствии переплетчик и зарабатывал существенно больше пекаря или сапожника, и стоял значительно выше по социальной лестнице. Ремесло ремеслу рознь. Как внутри дворянства существовала своя сложная иерархия со множеством титулов, в которой не особенно знатный представитель мелкой аристократии был неизмеримо ниже представителя аристократии высшей, так же и в большом разнообразии ремесленного производства выделялись группы простых и технологически сложных, «низших» и привилегированных профессий – с разным доходом и огромной разницей в статусе.

Переплетное дело намного старше печатного, ведь рукописные книги переплетались задолго до изобретения печатного пресса. Пергаментные свитки неудобны – это осознали уже в VI веке, по крайней мере, старейшее упоминание о профессиональном переплетчике – ирландском монахе Дагее – относится к 550 году. Переплетали книги там же, где и писали – в монастырях. С XIII века переплетное дело становится отдельным ремеслом, хотя его границы еще четко не определились. В 1401 году первая гильдия переплетчиков появляется в Париже, в 1480 – в Базеле. Но сколько-нибудь широкое распространение эта профессия получает только после изобретения книгопечатания.

Задачей переплетчика было не только правильно сложить, сшить и обрезать страницы, написать на титульном листе заголовок и имя автора. Он

изготавливал и саму обложку – как правило, из твердого дерева, обшитого кожей, часто отделанную по краям металлом. Книги были очень дороги. Чтобы сохранить чувствительный к влаге пергамент или хрупкую бумагу, а также чернила на них, обложке приходилось, по сути, выполнять роль футляра – твердого, деревянного, укрепленного металлом, с кожаными или металлическими застежками, а иногда и с замком. Университетские библиотеки часто заказывали обложки с цепью, которую можно было пристегнуть к полке – чтобы избежать воровства. Богатые книговладельцы могли позволить себе декор на обложке – рельефные узоры, золотое тиснение, семейный герб. Поэтому переплетчик должен был уметь работать и с бумагой, и с деревом, и с кожей, и с металлом, а по тонкости его работа часто не уступала ювелирной.

Профессия переплетчика – для юношей из обеспеченных бюргерских семей. Все-таки плата за обучение выше и вносить ее нужно в два раза дольше. А поскольку переплетное дело тесно связано с типографией и книготорговлей, юноша должен научиться разбираться в книгах, для начала – уметь хорошо читать (то есть окончить школу или получить домашнее образование), а затем – изучить книжный рынок и знать вкусы потребителей.

Масе переплетал книги для богатых коллекционеров, высшей аристократии и правителей. Только такие люди могли позволить себе его эксклюзивную продукцию – роскошные переплеты с орнаментами из искусно скомбинированных разных по цвету кусочков марроканской кожи, разноцветного воска и листового золота, покрытые цветными лаками, – настоящие произведения искусства. Этому и учился у него Плантен – сохранился, например, великолепный переплет, который он сделал в 1556 году для испанского наследника трона, будущего короля Филиппа II. Нужно думать, научился он у Масе не только этому. Обхождение с богатыми клиентами, налаживание личных контактов и деловых связей, ведение переписки в подобающем для высшего общества тоне – без подобных навыков переплетчику такого класса просто нечего делать в профессии. Они, несомненно, пригодились Плантену годы спустя, когда его заказчиками стали король Испании, папа римский и многочисленные представители европейской высшей знати.

Но сначала Кристофу пришлось около десяти лет прожить в доме Масе на положении ученика и слуги. Впечатляющий прыжок из людской в университетскую аудиторию не удался. Юный Плантен оказался в том же положении, что и его отец: всего лишь слуга, причем даже более низкого статуса, хотя и с лучшими перспективами – когда-нибудь, возможно, стать

подмастерьем.

* * *

Ученики ремесленников, конечно, не были рабами или крепостными, как это часто описывают. Но они жили в доме мастера и не могли располагать собой и своим временем. Мастер отвечал не только за их образование, но и за все, что они делают, в том числе за то, как они ведут себя вне мастерской, поэтому у многих мастеров правила были максимально строгими, а выходить из дома без крайней надобности не разрешалось. Торговаться об условиях обучения ученики не могли. Первые годы они обычно выполняли самую черную и неквалифицированную работу, как по дому, так и в мастерской, параллельно начиная перенимать у мастера основы ремесла. Они вставали первыми и ложились последними. Мастер обязан был научить ученика читать, писать и считать, если тот еще не умел этого, – особенно важны эти навыки в книжном деле, – а также обучить основам катехизиса. По сути, он брал на себя роль отца. Телесные наказания в процессе обучения были самым обычным делом, и тут мастер мог себя не ограничивать – вопросы к нему возникали, только если он нанес ученику тяжелые увечья или случайно забил его до смерти.

В то же время родители ученика следили за тем, чтобы мастер на самом деле и как можно более интенсивно обучал его ремеслу, а не загружал только тяжелой домашней работой – особенно если за обучение были заплачены большие деньги. Как правило, в контракте заранее подробно оговаривалось, какие именно навыки должен приобрести юноша и за какой срок. Впрочем, в случае с Плантеном это не работало: фактический сирота после отъезда отца в Тулузу, он мог положиться только на доброе сердце и порядочность мастера.

Обучение происходило за работой. Как правило, никаких тестовых изделий, на которых ученик мог бы оттачивать свои умения, не предусматривалось, если только за них не платили родители. Это считалось пустой тратой материала и времени. Смотри, подражай, помогай – одно за другим – именно по такому принципу строилось обучение. Ученик мог принимать участие в работе над обычной продукцией, шедшей на продажу, но только когда мастер был твердо уверен, что он ее не испортит, так что до наступления этого важного дня могло пройти довольно много времени. Что касалось бухгалтерии и управления предприятием – эти знания мастер предпочитал оставить при себе, для наследника или, если у него имелись только дочери, для того подмастерья,

который станет его зятем. Так что ученику, сообразившему, что ремеслом как таковым обучение не заканчивается, оставалось только внимательно наблюдать и хорошенько запоминать.

Вторая половина обучения была посвящена оттачиванию практических навыков. Теперь ученик был полностью вовлечен в производственный процесс, работал наравне с мастером и подмастерьями, но его работа никак не оплачивалась. Считалось, что таким образом хозяин окупает средства и усилия, затраченные на обучение, и, конечно, он пытался затянуть этот этап как можно дольше. Но часто родители – те, что побогаче, – просто откупались определенной суммой, чтобы их сын сразу мог переходить к самостоятельному и хорошо оплачиваемому труду. Юноши победнее или сироты должны были отработать этот срок в несколько лет полностью. Это касалось и молодого Плантена. Отец оставил ему достаточно денег, чтобы оплатить дорогостоящее обучение престижной профессии если не в столице, то хотя бы в провинции. Но с тех пор никакого участия в его судьбе, похоже, не принимал. Так что прошло десять лет, прежде чем Кристоф наконец обрел свободу, в возрасте около 24–25 лет сдав экзамен на подмастерье.

* * *

Все это время, пока он учится, работает, набирается жизненного опыта, в голове у Плантена зреет идея. Кажется, десять лет в статусе ученика-слуги и бесплатной рабочей силы должны были выбить всю романтическую дурь о книгах из головы молодого Кристофа. Или хотя бы придать его мыслям практический характер. Действительно, он стал мыслить практичнее. Но он не отказывается от своей мечты. Хотя у него есть уже и профессия, и семья, которую нужно кормить. «Когда-то я хотел учиться в университете, но не было ни возможности, ни времени, ни денег»[46 - Цитируется по Langereis (2014), note 8.], – напишет он намного позже. Нереализованную мечту юности Плантен воплотит другим способом. Он никогда уже не попадет в университет как студент или профессор, но окажется там в другом качестве. Он не станет заниматься наукой, но будет на равных общаться с великими учеными и гуманистами – образованнейшими людьми своего времени. Он не напишет ни одной научной книги, но внесет огромный вклад в развитие науки – не какой-то конкретной, а сразу всех вместе. Закончив обучение у Масе и сдав экзамен на подмастерье, Кристоф Плантен принимает решение: не смогу писать книги – буду их печатать.

Удар второй

Напрасно потраченные годы?

Разочарованный подмастерье

Теперь он квалифицированный специалист с серьезным опытом работы, но открыть собственное дело Кристоф все еще не имеет права. В современном мире наемный работник легким движением руки превращается в предпринимателя, достаточно лишь немного амбиций и, конечно, определенной суммы денег. В XXI веке количество стартапов в сфере высоких технологий подобно лавинообразно размножающимся бактериям; впрочем, большая часть из них все равно не выживает. Но XVI век – это мир цехов и гильдий, и тут все очень непросто.

Цех и гильдия – формы организации ремесленников и купцов в Средневековье и Новом времени. Это корпорации для защиты интересов представителей одной или нескольких схожих профессий. Первые из них появились в городах еще в XI веке, пик их влияния приходится на XIV–XV века. Первоначально довольно демократично организованные, цехи и гильдии быстро превратились в закрытые объединения только для мастеров, подмастерья туда больше не допускались, членство из добровольного стало принудительным, ведь со временем они полностью монополизировали торговлю и производство.

С одной стороны, цех или гильдия предлагали защиту от иногородней конкуренции, гарантировали занятость и стабильный заработок, социальную защиту в трудных жизненных обстоятельствах и представляли интересы ремесленников перед городскими властями. С другой – устанавливали множество правил на все случаи жизни и жестко контролировали производство. Где закупать сырье, какими инструментами работать и какие техники применять, сколько продукции производить и какие цены на нее устанавливать, сколько часов в сутки работать, сколько подмастерьев нанимать и сколько им платить, сколько учеников брать – все это решали за мастера. Инновации и рационализация не приветствовались, за нарушение правил и самодеятельность

мастера могли покарать штрафом, тюремным заключением или запретом на занятие ремеслом. Свободную конкуренцию ограничивали. Запрещалось сманивать друг у друга клиентов и переманивать подмастерьев. Лимитировалась пышность витрин, нельзя было зазывать заказчиков на улице, рекламируя товар.

В XVI веке с зарождением капиталистического производства роль цехов и гильдий начинает падать, им на смену приходят новые формы организации и свободная конкуренция, но просуществовали они вплоть до XIX века, а в некоторых странах (Швейцария) есть и до сих пор.

Если проводить параллели с современностью, то подмастерье в XVI веке – это наемный специалист со средним профессиональным или высшим образованием. Такая система в основных своих чертах до сих пор сохранилась в Европе для большинства свободных профессий: скажем, врач или юрист, работающий по найму, – это аналог подмастерья; врач или юрист, открывший собственную практику и нанимающий других, – аналог мастера. Она действует и для многих профессий ручного труда: ювелир, автомеханик, плотник, пекарь. В современном мире почти все производство давно переместилось на крупные заводы и фабрики, но в XVI веке до заводов и фабрик остаются еще целые столетия, так что цеховая система играет исключительно важную роль.

Плантену, чтобы самостоятельно печатать книги, нужен патент мастера. Но для этого необходимо сначала где-то обосноваться и вступить в гильдию, получить разрешение на открытие предприятия. Подмастерье, как правило, должен быть гражданином города, состоять в браке, иметь начальный капитал, сдать экзамен на мастера, заплатить какие-то суммы городским властям и руководителям гильдии, а для последних еще организовать застолье с обильным угощением. Список требований очень длинный, и выполнить их непросто. Но даже не в этом заключается главная проблема.

В любом ремесле гильдия или цех строго следят за количеством мастеров, подмастерьев и учеников в городе. Чтобы не допустить перепроизводства, держать цены и в то же время удовлетворять спрос. Это означает, что патент мастера можно получить только в том случае, если освободится один из уже выданных. В реальности почти во всех профессиях патенты веками принадлежали одним и тем же семьям, передаваясь по наследству внутри клана, переход мастерской от отца к сыну или зятю считался совершенно естественным явлением. Новые могли появиться только в том случае, если

какой-то мастер, точнее, какая-то семья полностью вымрет или переедет (а такое случалось нечасто) либо если население города так активно растет, что спрос на данный товар резко увеличивается. Свободному подмастерью со стороны, не принадлежащему ни к одной из династий, втиснуться между ними очень сложно, почти нереально, так что большинство всю жизнь остается наемными работниками.

Такая почти безнадежная ситуация экономической зависимости оптимизма подмастерьям, конечно, не добавляла, особенно учитывая, сколько денег, времени и сил было вложено в обучение. С другой стороны, как квалифицированные специалисты они были устроены гораздо лучше, чем, скажем, простые рабочие или сезонники: их труд хорошо оплачивался, спрос на него был высок. Их жизнь нельзя было называть богатой, а в годы экономических кризисов даже и обеспеченной, но, по крайней мере, они могли позволить себе содержать семью, иногда и свой дом. Гильдия или цех могли платить им нечто вроде пенсии в случае болезни или утраты трудоспособности, часто была предусмотрена пенсия вдовам. Для тех времен они были максимально хорошо социально защищены.

* * *

Вероятно, Жанна Плантен не раз задавала самой себе, да и мужу этот вопрос: стоит ли уезжать из Кана? Плантен прожил там десять лет, знает город, оброс знакомствами, да и у Жанны там родня. Можно ведь неплохо устроиться. У него хорошо оплачиваемая и востребованная в этом университетском городе профессия. Не пора ли осесть и начать спокойную семейную жизнь? Но Кристоф этим вопросом, похоже, никогда не задавался: да, уезжать стоит. Он оказался в Кане, только чтобы выучиться ремеслу, а не для того, чтобы провести здесь всю жизнь. У него большие планы. Он идет к своей мечте. И Париж – это место, где ее можно воплотить в жизнь.

Париж к тому времени уже несколько веков подряд – крупнейший город Европы, его население на 1500 год историки оценивают примерно в 300 000 человек. От Парижа немного отстает Венеция (более 200 000 жителей), Неаполь, Милан и Лондон насчитывают больше 100 000 жителей. Точные цифры назвать нельзя, но упомянутые пять городов – самые большие. За пределами Европы есть, конечно, Каир (400 000), Стамбул (550 000), Пекин (670 000), но Париж – центр христианской цивилизации. Тем, кому кажется, что 300 000 человек – это не так

уж много, полезно представить себе остальную Европу: к началу XVI века 90–95 % городов насчитывали от 500 до 2000 жителей; были и средние города – до 10 000; в городах с населением более 10 000 жили всего 5,7 % европейцев[47 - Blockmans (2011), 3; Malanima (2007), 5.].

На календаре примерно 1545 год. Франция воюет с Габсбургами в Италии; в Кенигсберге, будущем Калининграде, основывают университет; в Швеции завершается переход страны в лютеранство. Католическая церковь торжественно открывает Тридентский собор, на котором будут утверждены догматы о чистилище и первородном грехе. Иван Грозный начинает свой первый поход на Казань. А Плантен снова на улицах Парижа. Но теперь он не один. Отличный переплетчик с опытом работы, знанием книготорговли и книжного рынка – пора применить свои умения на практике. Жанна волнуется за их будущее. Муж привез ее из Кана в столицу – ладно; он хотел быть ближе к книгам – прекрасно, в работе переплетчика он будет иметь с ними дело каждый день; но, похоже, все это – не то, к чему стремится Кристоф. Так чего же он все-таки хочет?

А он ищет место в настоящей типографии. Переплетное дело подождет, пора учиться печатать книги. Кое-чему Плантен, несомненно, уже обучился у Масе, но теперь хочет узнать это ремесло по-настоящему: необходимо выяснить все нюансы процесса, получить опыт, завязать контакты и понять, как работает типографский бизнес столицы. Париж XVI века – второй после Венеции центр книгопечатания в мире. После изобретения печатного пресса типографы обосновываются не в университетских городах, а в крупных торговых метрополиях – там, где крутятся большие деньги. Такова Венеция – центр средиземноморской торговли с выходами в греческий и арабский мир. Париж – центр континентальной торговли, куда сходятся все торговые пути Западной Европы, важнейший транспортный узел. Во Франции только Лион может хоть немного соперничать с Парижем по объемам печатной продукции, все остальные города не производят и малую долю того, что делается в Париже или Лионе.

Плантен устремляется в Латинский квартал – традиционное место обитания студентов, а также всех, кто связан с книжным бизнесом. Представители одного ремесла с незапамятных времен имели обыкновение селиться на одной улице или в одном квартале. Он поступает подмастерьем в типографию к Жаку Богару, печатнику и книготорговцу, специализирующемуся на античной литературе, в основном греческой. Богар, если говорить прямо, не самый лучший и знаменитый типограф Парижа. Но он женат на вдове королевского типографа

греческих текстов, а значит, унаследовал королевскую привилегию на печать и продажу не только греческой литературы, но и всех ученых-эллинистов того времени. Проблем с заказами у него нет. Так что Плантен получил престижное место. У Богара он обучается книгопечатанию, исследует книжный рынок Парижа. Некоторое время спустя в Париж переезжает и друг детства – Пьер Порре, который закончил учиться на аптекаря и теперь работает в одной из аптек города.

У Богара Кристоф проработал примерно четыре года. Все это время, несомненно, прикидывая возможности открытия собственной типографии. Парижский книгопечатный бизнес – это акулы, готовые сожрать друг друга. Но он решает попытаться, оставив ремесло переплетчика и сознательно начиная практически с нуля в столице книгопечатания, перенасыщенной типографиями и книжными лавками. Однако стать мастером в Париже оказывается сложнее, чем где-то еще.

На первый взгляд, все выглядит неплохо. Типографский бизнес возник по историческим меркам совсем недавно, менее 100 лет назад, он быстро развивается и еще практически свободен от правил и ограничений. Удачно ведя дела, можно заработать быстро и много. Эразм Роттердамский шутил, что печатником стать проще, чем пекарем, – и был не так уж неправ. Все старые ремесла находятся под плотным, прямо-таки удушающим контролем цехов и гильдий, диктующих ремесленникам буквально каждый шаг. В германских землях и в Англии цехи все еще очень влиятельны. Во Франции и Нидерландах уже (или пока что – если говорить о типографском ремесле) не играют такой роли. Парижские типографы объединятся в свой цех не ранее 1608 года, то есть, работая в столице, Плантену даже не нужно вступать в цех! Нет необходимости получать патент мастера от городских властей, нужен только королевский патент. Его достать тоже непросто, но реально. У Жака Богара нет сыновей, так что Кристофу рисуется возможность выкупить лавку после его смерти, обеспечить себе королевский патент…

* * *

Типографское ремесло в XVI веке, построенное на внедрении нового носителя информации, было подобно современным высокотехнологичным и молниеносно растущим бизнесам Силиконовой долины, также основанным на новых носителях информации. Те, кто поймал волну – вовремя осознал преимущества

новых технологий и понял, как продать эти преимущества людям, – стали миллиардерами и изменили мир. И это произошло так стремительно! Как и в случае с печатным делом, первое время развитие шло быстрее, чем власти успевали придумывать правила, ограничения и способы контроля над новой сферой.

Однако одно важное отличие все же имелось – капиталоемкость. Стив Джобс, чтобы добыть денег на первый проект, из которого родилась фирма Apple, – компьютер Apple I, всего лишь продал свой микроавтобус Volkswagen за 1500 долларов, а первые компьютеры собирал в гараже у родителей. Билл Гейтс, Пол Аллен и Монте Давидофф написали интерпретатор языка Basic для персонального компьютера Altair 8800 – первое программное обеспечение от основанной через месяц после этого фирмы Microsoft – без особых финансовых затрат. С книгопечатанием – другая история. Это был, пожалуй, самый капиталоемкий бизнес своего времени. Никаких исключенных из Гарварда студентов-энтузиастов, никаких родительских гаражей – чтобы открыть даже маленькую типографию, нужна была большая куча денег. И еще одна такая же – чтобы типография не обанкротилась в первые же пару лет.

Аренда или покупка помещения, печатный пресс, наборы шрифтов к нему, запасы бумаги и краски, другие необходимые инструменты. Жалованье работникам – а один печатный пресс обслуживали четыре человека, причем их труд считался высококвалифицированным, к тому же нужна была пара обычных слуг. Граверы выставляли огромные счета за иллюстрации. Все это приходилось оплачивать еще прежде, чем тираж поступал в продажу. А будет ли он хорошо продаваться?

Одна из причин, почему печатное дело оказалось таким капиталоемким: могли пройти не месяцы, а годы, пока инвестированные в издание средства вернутся и принесут прибыль. Это означало высокие риски. Редко весь тираж продавался сразу и полностью, были и такие, из которых удавалось реализовать лишь несколько экземпляров. Леон Воэ упоминает несколько случаев из истории типографии Плантена, когда продажи никак не покрывали расходов на печать.

Непроданные или медленно продающиеся тиражи, лежащие на складе, постепенно обесценивались. Транспортные расходы получались высокими, к тому же по разным причинам партия сырья или продукции могла и не достигнуть пункта назначения – непогода, кораблекрушение, разбойники. Неприятные сюрпризы готовили разменные курсы: Европа XVI века – это мир

множества валют, очень запутанный валютный рынок без единых правил. Можно было потерять деньги просто на обмене. Важным заказчикам приходилось делать скидки, чтобы сохранить с ними добрые отношения для будущих продаж. А кто-то из клиентов вообще не платил по счетам. Годами. И что обычный типограф мог сделать влиятельному аристократу? В случае Плантена – герцогу, королю или папе римскому? Только писать слезные письма.

А работа печатного пресса требовала постоянных затрат вне зависимости от того, как шли дела с продажами.

Необходимы интенсивные капиталовложения, всегда нужно иметь большие суммы в резерве – и это еще одна причина, почему человеку со стороны так непросто было попасть в печатный бизнес. Преодолев все трудности с получением патента, каждый типограф должен был задать себе вопрос: где взять столько денег на начальный этап? Если наследуешь семейное предприятие – там все налажено и капитал уже имеется. А если начинаешь с нуля? А если ты подмастерье без денег и связей?

Возможно, именно по этой причине до Плантена и долгое время после него в Европе не было таких крупных типографий: чем больше предприятие, тем больше текущих затрат, тем больше денег нужно держать в резерве. Но типографский бизнес устроен так, что у печатников просто не могло быть столько свободного капитала. Плантен решил эту проблему. Как – об этом пойдет речь позже.

Книгопечатание – одна из первых отраслей производства, вступившая в фазу настоящего капитализма – следующую фазу после цеховой экономики. Раньше цехи и гильдии регулировали баланс между спросом и предложением, мастеру не приходилось об этом заботиться. Как и сколько производить, решали за него. Типографы – одни из первых, кто должен был следить за этим балансом самостоятельно, изучать вкусы потребителей, делать расчеты, принимать во внимание множество факторов, влияющих на ситуацию на рынке.

Причем книги – явно не предмет первой необходимости, скорее, все еще роскошь. Капризный товар. Чуть ухудшится экономическая ситуация: небольшой кризис, политическая нестабильность, природные бедствия – и их в первую очередь перестанут покупать. Даже самые богатые клиенты – целевая аудитория таких типографов, как Плантен, – становятся осторожными в покупках при первых же тревожных звоночках. Уж они-то знают цену деньгам и

понимают про кризисы намного больше, чем простые обыватели. Книги покупают, когда все хорошо и спокойно, а таких периодов в XVI веке было не так уж много. Впрочем, можно говорить о временах относительного спокойствия, когда целевая аудитория чувствовала себя в безопасности.

* * *

Париж разочаровал Плантена. Его оптимистические ожидания не оправдались. Во-первых, с мастерской Богара ничего не вышло. То есть умер он довольно вовремя – в 1548 или 1549 году, да и сыновей у него не было. Однако была дочь. На которой и женился коллега Кристофа, подмастерье Мартен ле Жён, естественно, унаследовав мастерскую. На что вообще надеялся Плантен? Вполне логично, что типографию унаследует тот, кто женится на дочери хозяина, а Плантен не мог бы этого сделать при всем желании – он уже был женат. Впрочем, мы не знаем, что за дочка была у Богара – может статься, люди и не верили, что кто-нибудь когда-нибудь может на ней жениться.

Во-вторых, в Париже Плантен столкнулся с той же клановостью, как и в любом другом месте, с той же монополизацией печатного рынка несколькими семьями, в которых патенты, оборудование и клиенты передавались из поколения в поколение. Казалось бы, и ста лет не прошло с изобретения Гутенберга – а уже все поделено. Неизвестно, имелись ли у него реальные шансы получить королевский патент, но даже если имелись – похоже, что-то пошло не по плану.

К тому же, в 1540-х годах книгопечатная индустрия Парижа, по-видимому, достигла пика своего развития, некоего «потолка», выше которого подняться уже не могла. Среди книготорговцев и типографов стали поговаривать о некотором застое, а значит, обострилась конкуренция, вопросы выдачи новых патентов могли решаться медленней.

А еще до Франции докатилась Реформация во всей ее противоречивой красе. В 1547 году на престол вступил Генрих II. Он был ровесником Плантена, так что с детства имел возможность наблюдать, как Реформация расползается по Европе, и любой ценой хотел избежать во Франции немецкого сценария: когда значительная часть аристократии выбрала протестантизм, в корне изменив тем самым политическую ситуацию в Священной Римской империи. Помня, что в германских землях идеи Лютера распространились именно благодаря печатному слову, Генрих обратил свой взор на парижских типографов. Что это они там

печатают? Чуть глубже вникнув в ассортимент книжной продукции и вольную атмосферу в среде печатников и книготорговцев, Генрих удивился, почему это безобразие так долго терпел его отец, и принял меры.

Во-первых, повелел всем, кто связан с книжным ремеслом, жить в одном квартале – чтобы легче было их контролировать. Во-вторых, ограничил количество людей, имеющих право заниматься этими профессиями. В-третьих, обновил цензурные предписания. Перед печатью каждый текст должен был получить одобрение теологического факультета парижского университета – теперь запреты от теологов посыпались один за другим. На каждом издании Генрих приказал указывать полное имя и место жительства автора, а также издателя – чтобы в случае чего знать, кого и где искать. Результаты не заставили себя ждать: лучшие типографы начали разбегаться. В 1549 году пришлось бежать в Женеву Конраду Бадию, а в 1551-м за ним последовал знаменитый Робер Этьенн – легенда французского книгопечатания.

Что из названного послужило главной причиной разочарования Плантена в книгопечатном бизнесе Парижа и поводом для переоценки своих целей и перспектив? Поскольку до 1555 года о его жизни вообще мало что известно, на эти вопросы ответа данная книга не даст. Одно можно предположить с большой долей уверенности: в Париже все пошло не так, как он себе представлял. Почему? Потому что после четырех лет работы на Богара он принял решение покинуть столицу и вообще Францию.

Не стоит недооценивать важность этого шага – ведь он, похоже, любил Париж всей душой. Это был «его» город, с которым связаны прекрасные воспоминания о детстве и школе, где живут самые близкие друзья. Город, в который он на протяжении всей жизни снова и снова будет возвращаться. Но сейчас он уезжает.

Так что же, эти годы в Париже – потрачены напрасно? Ни в коем случае! Во-первых, именно здесь Кристоф, похоже, обучился типографскому делу. Во-вторых, познакомился с правилами печатного бизнеса и узнал книжный рынок так, как никогда не узнал бы его у Масе. И, наконец, именно неудачные годы в Париже обеспечили ему мотивацию для переезда в Антверпен, где он сделает то, чего никогда не смог бы сделать в Париже. Среди французских типографов уже некоторое время ходили слухи, что новая северная метрополия – Антверпен – растет как на дрожжах, а книгопечатание там развивается бешеными темпами, так, что однажды затмит сам Париж… Эти люди даже не подозревали,

насколько были правы. И уж точно не могли себе представить, что это случится так скоро.

Антверпен – новые горизонты

Современный Антверпен провинциален и очарователен. Город, несмотря ни на что, не утративший волшебство старины. Прекрасно сохранившиеся здания позднего Средневековья, эпохи Ренессанса и барокко, великолепный кафедральный собор, самый настоящий замок – Het Steen, узкие мощеные улочки, уютные кафе… Чудесная атмосфера исторического центра легко переносит в прошлое. В то же время международный порт Антверпена – второй по величине в Европе и семнадцатый в мире. Четыре бриллиантовых биржи: еще недавно 80 %, а теперь только 60 % неограненных алмазов мира торгуются через них; 1600 фирм, занимающихся бриллиантами.

Антверпен. Гравюра Иеронима Кока, около 1557. Городской архив Антверпена

В 1549 году некий неизвестный француз, полный надежд и амбиций, приехал покорять Антверпен. Сегодня фраза «покорять Антверпен» звучит, конечно, смешно. Всего лишь полумиллионный, второй по величине город в маленькой, но гордой стране Бельгии, он играет свою роль в европейской экономике, но явно не принадлежит к числу мировых экономических центров. Но во времена Плантена эта огромная стотысячная метрополия – вторая по величине после Парижа на европейском континенте севернее Альп, центр международной торговли и новых технологий. Чтобы в полной мере оценить ее значение, нужно узнать еще кое-что о населении тогдашней Европы.

С XI века самым экономически развитым и урбанизированным регионом Европы была Италия. Рим пал и превратился в обиталище кардиналов и понтификов, тон теперь задавали Венеция, Милан и Флоренция – торговые метрополии, насчитывающие к 1300 году по 100 000 жителей. Еще были Генуя и Болонья – примерно по 80 000. Севернее Альп самая урбанизированная территория –

Южные Нидерланды (примерно современная Бельгия). Около 1300 года в Генте было 65 000 жителей, в Брюгге – 45 000. А в XVI веке начал расти Антверпен, город на границе Фландрии и Брабанта, достигнув в 1550-х годах впечатляющей цифры в 105 000 жителей. Фландрия и Брабант еще в 1470 году имели 29–33 % городского населения, вместе эти два региона объединяли 45 % жителей всех испанских Нидерландов. В провинции Голландии доля городского населения составляла 44 % – это намного выше всех европейских стандартов. Почему? Все просто: у людей не было выбора. Сырой климат, никаких природных ресурсов, наступающее море… Экологическая ситуация все ухудшалась, и вести сельское хозяйство становилось труднее и труднее. Поэтому народ двинулся в города и занялся ремеслами и торговлей[48 - Blockmans (2011).].

Испанские Нидерланды (Семнадцать провинций) – территория современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, а также северной части Франции.

В конце XIV века дом бургундских Валуа, заключая браки и политические союзы, начал собирать разрозненные земли этого региона под своим владычеством. В 1437 году созвали Генеральные Штаты как общий парламент.

После гибели последнего бургундского герцога Карла Смелого в 1477 году его дочь Мария вышла замуж за австрийского эрцгерцога Максимилиана I Габсбурга – будущего правителя Священной Римской империи. Мария умерла через пять лет, и Нидерланды отошли династии Габсбургов, которая в 1522 году разделилась на испанскую и австрийскую линии; Семнадцать провинций достались Карлу V – испанскому королю и императору Священной Римской империи, потом его сыну – испанскому монарху Филиппу II.

В 1566 году в Провинциях началась революция, а в 1568 году – Восьмидесятилетняя война за независимость, в ходе которой Нидерланды раскололись на Северные и Южные. Северные в 1579–1581 годах стали республикой со столицей в Амстердаме, а Южные со столицей в Брюсселе оставались под властью испанских Габсбургов до 1714 года, потом перешли к австрийской ветви. В 1795 году их захватила Франция, а после Венского конгресса в 1815 году Северные и Южные Нидерланды вновь объединились – но ненадолго: уже в 1830 году Объединенные Нидерланды разделились на современные Нидерланды и Бельгию.

НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

(в тыс. человек)[49 - Malanima (2007), 26.]

ПРОЦЕНТ ЖИТЕЛЕЙ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

(больше 10 000) ПО СТРАНАМ ЕВРОПЫ, %[50 - Malanima (2007), 28. Такой рост количества городских жителей в Северных Нидерландах к 1600 году объясняется Контрреформацией и войной: в Южных Нидерландах испанская корона преследовала кальвинистов, так что они побежали на север, дав небывалый толчок экономическому развитию этого региона. Множество жителей покинули Южные Нидерланды также из-за постоянных боевых действий.]

Выше проводились параллели между XVI столетием и нашим веком глобализации – они справедливы и в данном случае: миграционные потоки росли, люди переселялись в города, причем именно в крупные города, предлагавшие широкий выбор рабочих мест. Для них умение читать и писать означало лучшие карьерные шансы, тем более что открывались все новые городские школы, и возможность получить образование становилась как никогда реальной. И вот уже все больше жителей Нидерландов не только могут, но и хотят читать.

Что было раньше: курица или яйцо? Обслуживало ли книгопечатание изменения экономической структуры или новая экономическая структура возникла благодаря перелому, связанному с книгопечатанием? С одной стороны: в Китае XI века саму технологию наборной печати изобрели, но применения она не нашла. Широкое распространение книгопечатания стало возможным только там, где возникла потребность в новом носителе информации. С другой стороны: смогло бы без книгопечатания возникнуть общество Нового времени? Если бы не было Гутенберга – создал бы кто-то другой что-то подобное? Например, телеграф, телефон и радио изобрели почти параллельно: разные технологии, но смысл тот же – передача информации на расстояние без перемещения ее

носителя.

Плантен не был первым, но он угадал тренд: люди, умеющие читать, рано или поздно должны были задуматься о том, что бы еще почитать, кроме Библии и античных авторов, и какую еще информацию можно хранить и передавать с помощью печатной книги. Кристоф Плантен показал им, какую, и предложил, что почитать. Так же Билл Гейтс и Стив Джобс в свое время задумались о том, что еще можно сделать с помощью изобретенного до них компьютера и как его можно применить в повседневной жизни. Они вышли на рынок не с новыми, а с мало распространенными до сих пор продуктами, и объяснили потребителю, для чего они могут ему пригодиться.

* * *

Антверпен был удивительным городом. Самым богатым в испанских Нидерландах, через него шла морская европейская и колониальная торговля. В 1500 году он насчитывал 50 000 жителей, а полвека спустя – в два раз больше. Это беспрецедентный, невиданный рост. Еще поразительнее замечание итальянского иммигранта Гвиччардини, который около 1555 года рассказывал, что почти все в этом городе, похоже, умеют читать и писать[51 - Langereis (2014), ch. «Abc». Позже Плантен издал путеводительГвиччардини по Нидерландам.].

Ситуация для тогдашней Европы экстраординарная. Благодаря экономическому буму Антверпен становится центром новых информационных технологий. На ум само собой приходит сравнение: Антверпен – Силиконовая долина XVI века? Такая параллель весьма условна. Но если сравнить уровень грамотности в середине XVI века и уровень компьютерной грамотности в конце XX века, видны общие черты: грамотных в целом мало, но есть места, где они сконцентрированы особенно сильно. И в таких местах вершится история. Обитатели Силиконовой долины Билл Гейтс и Стив Джобс были одержимы идеей поставить персональный компьютер на каждый стол. Переехавший в Антверпен Кристоф Плантен – принести печатную книгу в каждый дом, где умеют читать.

Формально Антверпен находился под властью испанского короля, но это была не Испания – гораздо богаче и гораздо свободней! Мультикультурный и мультирелигиозный город, в котором говорят на множестве языков. Представители разных народов селились не по этническому признаку – как в

Италии или остальных Нидерландах, образуя национальные кварталы, – а по профессиональному. Близость друг к другу профессионалов одной отрасли из разных стран неизбежно вела к обмену знаниями и бурному развитию ремесел.

Непосредственная здоровая конкуренция (жители не стремились покупать товар только у «своих») – к высокому качеству продукции. Настоящее экономическое чудо! Привлекательная цель для амбициозного человека, собирающегося начать собственное большое дело?

И да, и нет. Историки утверждают, что 80 % мигрантов, желавших стать жителями Антверпена, происходили из других районов испанских Нидерландов. Следующая по численности группа – выходцы с Рейна, из немецких земель. Французов было мало, и в основном из северной части Франции. Парижане были редкостью[52 - Langereis (2014), note 18.]. Плантен избрал на наш взгляд, возможно, логичный, но по тогдашним меркам очень необычный путь: переехать за 300 километров в город, находящийся под властью испанского короля, где говорят по-голландски и все еще иногда жгут типографов на костре… с другой стороны, а куда еще было ехать из Парижа? Впрочем, он, похоже, точно знал, что делает[53 - Сохранилось письмо Плантена папе римскому Григорию XIII от 9 октября 1574 года, где он объясняет причины своего выбора: «…никакой другой город мира не предлагал таких прекрасных условий для дела, которое я тогда основал.Для меня было важно, что там легко было торговать и можно было найти все необходимые материалы для моего производства. В Антверпене также можно было найти огромное количество рабочих рук, за короткое время обучив их любому ремеслу, которое только можно себе представить. Кроме этого, мне было ясно, что этот город и регион процветали под властью испанского короля и католической церкви. И, наконец, поблизости находился великолепный университет Лувена с его прекрасными учеными во всех областях, чьи труды я надеялся печатать для общего блага» (цитируется по Langereis (2014), note 19).].

И вот он оказался в Антверпене – без денег, имущества и связей; 21 марта 1550 года став гражданином города, Плантен потратил на уплату пошлины и изготовление официальных бумаг почти все оставшиеся сбережения. Зачем? Причин торопиться у него не было.

Старое правило о том, что стать мастером может только гражданин города, в реальности не действовало для целого ряда ремесел, а для остальных соблюдалось весьма условно: Антверпен старался приманить как можно больше квалифицированных профессионалов и поощрял их открывать мастерские.

Более того, в то время как в любом другом месте Европы человека могли просто не пустить в пределы городских стен, если у него не было средств платить местные налоги, в Антверпен пускали вообще всех: каждый мог свободно войти и попытать счастья – спрос на рабочую силу был огромный.

Конечно, у граждан имелся целый ряд правовых и налоговых преимуществ. Но любой приезжий ремесленник вполне мог прожить и без них. Если продержался первый год – именно в течение этого срока город мог без объяснения причин выгнать иммигранта за любую провинность, – дальше все шло хорошо. Многие мигранты специально тянули с получением гражданства: одной из причин было то, что граждане должны были нести «службу» – исполнять определенные общественно-полезные функции (сторожевая служба на городских воротах, участие в управлении приютами для нищих, больницами, сиротскими домами), причем безвозмездно. К тому же за гражданство нужно было заплатить пошлину: для ремесленника это был примерно 20-дневный заработок, для рабочего 70-дневный.

Так или иначе, в 1540-х годах только половина приезжих пожелала стать гражданами. Прежде всего, в этом были заинтересованы неквалифицированные рабочие, хоть у них и не было денег на пошлину. Богатые дельцы предпочитали оставаться мобильными, не привязываясь к конкретному месту, а разница в налогах была для них несущественна. Ремесленники вроде Плантена получали гражданство в случае, если собирались связать свою жизнь с городом и открыть мастерскую.

В чем бы ни крылась причина спешки – об официальных бумагах Кристоф позаботился очень вовремя.

В 1552 году на фоне очередного обострения отношений между Францией и испанскими Габсбургами городской совет выпустил директиву: всем французским иммигрантам надлежит отметиться в ратуше, а тем из них, кто не имеет гражданства, – немедленно покинуть Антверпен и Нидерланды. Депортация потенциальных «вражеских агентов» и «коллаборационистов» – вовсе не изобретение XX века. Назревала война, испанцы опасались вторжения Франции в Нидерланды, и этого было достаточно для депортации местных французов. Плантен оказался среди тех, кому пришлось сообщить о себе в ратуше, но не среди тех, кто принужден был покинуть город. А ведь такое вполне могло произойти: по тогдашним правилам для получения гражданства нужно было прожить в Антверпене четыре года, то есть для него этот срок

должен был наступить только в 1553–1554 году. По-видимому, данное правило не всегда выдерживалось строго, иначе типографическому гиганту Officina Plantiniana никогда не суждено было бы появиться.

* * *

Плантен покинул Париж глубоко разочарованным, но нашел ли он в Антверпене то, что искал? Да, город стремительно растет. Да, книгопечатание там быстро развивается. Но причем тут Кристоф Плантен? Его в Антверпене, откровенно говоря, никто не ждет. Сотни таких вот подмастерьев каждый месяц приходят сюда в поисках лучшей доли, надеясь получить работу. У каждого – своя судьба, свои мечты и надежды. Плантен – просто один из них, и никто не встречает его у городских ворот с почестями и патентом мастера на золотом блюде. В Антверпене уже имеется десяток печатников и издателей.

Мечты мечтами, но у Кристофа есть жена и маленькая дочка, Маргарита, родившаяся в 1547 году в Париже. На подходе еще одна – Мартина, которая появится на свет в 1550 году. Им нужны кров, еда, одежда. В общем, регистрируясь после приезда в антверпенской ратуше, Плантен в графе «профессия» записывает «переплетчик».

Он снимает жилье на улице, где селятся местные переплетчики, и приступает к работе. По соседству находится улица типографов и книготорговцев Камменстраат, но в ту сторону Кристоф смотреть себе запретил. Теперь он занимается тем, чему когда-то учился у Масе, – работает с кожей, деревом и драгоценными металлами, изготавливая роскошные переплеты для богатых заказчиков. И все-таки он был талантлив! Всего пара лет – и он уже сделал себе имя в переплетном бизнесе Антверпена, оброс знатными клиентами, со многими из которых завел хорошие, даже приятельские отношения. Один из них – Габриэль де Сайяс, испанский сановник, будущий министр иностранных дел короля Филиппа II. Он стал многолетним покровителем и другом Плантена, не раз выручал его из трудных ситуаций, содействовал в получении крупных королевских заказов. Скоро Плантен начинает работать и на городские власти: в 1552 году магистрат заключает с ним договор о переплете административных документов. Это стабильный источник дохода и полезные связи.

Масе учил его переплетать книги, но Кристоф идет намного дальше наставника. В Антверпене он выводит на рынок новый продукт. Если переплеты все равно

выглядят как роскошные ларцы – почему в них должны быть только книги? И он занялся производством ларцов и шкатулок, используя технологию отделки, которой обучился у Масе: дерево, орнаменты из разноцветной кожи и воска, цветной лак, позолота. Они предназначались для хранения важных документов и драгоценностей. «Никто ни в Антверпене, ни в Нидерландах не мог сравняться с ним в этом мастерстве»[54 - Цитируется по Voet (1972), vol. 1, 14–15.], – похвастается позже Бальтазар I. Это была эксклюзивная продукция, быстро завоевавшая популярность.

Рынок предметов роскоши в Антверпене сильно вырос за последние десятилетия: быстро богатеющие горожане стремились тратить деньги. Книги, да еще в драгоценных переплетах – один из показателей богатства и статуса. Ремесленники, производящие подобные товары и торгующие на международном уровне, зарабатывали состояния и часто вместе с крупными коммерсантами принадлежали к числу богатейших людей в Антверпене – даже богаче местной аристократии, которая все еще задавала тон в политической жизни города. Если у них хватало ума вкладывать деньги дальше – в торговлю, в недвижимость, в развитие предприятия, – их капиталы достигали серьезных размеров. Может быть, именно это стало теперь целью Плантена?

С 1553 года он начинает торговать книгами – этому он учился и у Масе, и у Богара. И в этом деле также преуспевает. У Кристофа обнаруживается еще и талант коммерсанта. Или, может быть, он сознательно развивает его в себе. За книгами следуют другие товары: кожа, географические карты, гравюры, льняной текстиль, как раз начинающий входить в моду, – это, например, те самые огромные и неудобные круглые воротники, которые мы знаем по портретам и фильмам. Он продает все, что хорошо продается. В какой-то момент Кристоф обращает свое внимание на еще один предмет роскоши – кружева.

Знаменитое брабантское кружево – чудесные воротники и манжеты тонкой работы можно увидеть на полотнах великих художников XVI–XVII веков. Этим ремеслом занимались женщины. Работа тяжелая, но дающая хороший заработок и уверенность в завтрашнем дне. Существовали крупные мануфактуры, нанимавшие много кружевниц, – их деятельность регулировалось цеховыми правилами. Были индивидуальные предпринимательницы, работавшие на дому и часто достигавшие столь высокого мастерства, что могли продавать свою продукцию по ценам выше рыночных. В письмах Плантен неоднократно жалуется на капризное поведение своих поставщиц: постоянно требуют денег вперед и угрожают продать товар конкурентам. Самая старая из сохранившихся

бухгалтерских книг Плантена от 1556 года показывает, что кружевами он торговал в крупных объемах: закупал сырье, выдавал заказы множеству местных кружевных мануфактур, собирал большие партии продукции и отправлял во Францию. Собственно, он был, вероятно, первым, кто начал оптом поставлять во Францию брабантское кружево, где оно вошло в большую моду и стоило дорого.

Кристоф не теряет деловых и личных связей с Парижем, сохраняет даже контакты с бывшей типографией Богара. Мартен ле Жён, тот самый коллега, женившийся на дочке Богара, поставляет ему книги из Франции для реализации в Нидерландах. Есть еще Пьер Гассен – крупный французский коммерсант, Плантен становится его торговым агентом в Нидерландах. Его собственным поверенным в Париже выступает Пьер Порре, через которого Кристоф ведет дела, когда сам не может присутствовать во французской столице. За несколько лет он становится успешным международным коммерсантом, которых так много в Антверпене в эти годы экономического бума.

Но все это не имеет никакого отношения к книгопечатанию. Плантен теперь – один из лучших переплетчиков в Антверпене и все более успешный торговец. Его благосостояние неуклонно растет. Респектабельный, обеспеченный человек, семья и дети – в 1553 году рождается третья дочь, Катарина. Но когда же он успел отказаться от своей мечты печатать книги? Интересно, посещает ли его ощущение, что он занимается чем-то совсем не тем? С момента переезда в Антверпен прошло шесть лет, на дворе уже 1555 год, а он изготавливает шкатулки, торгует кружевами, общается с солидными людьми… С книгами он теперь имеет дело, только вкладывая их в роскошные переплеты, заполняя бухгалтерские бумаги или принимая крупные партии товара из Парижа. Впрочем, книготорговлей, так или иначе, занимались все его предшественники.

Книготорговля как она есть

Книжный рынок существует с античности. Уже в V веке до н. э. владение книгами не было чем-то необычным, ведь большинство мужского населения греческих городов-государств было грамотным, а во многих полисах существовало обязательное школьное образование. Конечно, речь идет не о книгах в современном понимании, а о папирусных свитках, но они точно так же

составляли частные коллекции и библиотеки, имелись и библиофилы, их собиравшие, и странствующие торговцы (librarius или bibliopola), продающие их в городах. До нас даже дошли сведения о книжных лавках.

В Древнем Риме мы уже находим международную книготорговлю с многовековой традицией, которая, исчезла в V веке н. э. с закатом империи. Там впервые появляется книгоиздание как самостоятельная отрасль, для тиражирования книг издатели нанимают писцов или обращаются в специальную мастерскую. В римской книжной лавке книгу можно было не только купить, но и взять напрокат для переписки.

Сведения о школах профессиональных писцов сохранились также в Древней Греции, Египте, Китае и Индии. Один из дошедших до нас экземпляров египетской «Книги мертвых» примерно XXII века до н. э. интересен тем, что явно вышел из многотиражной мастерской – имя покойного было вписано в текст уже после «издания»[55 - Fischer (2010), 4–6; Ростовцев (2007), т. 2, 13–14, 23–25;Есипова (2011), 53–55.].

А вот в средневековой Европе человек не мог просто пойти и купить книгу – никакого рынка готовых книг не было. Их писали, переплетали и иллюстрировали в монастырских скрипториях – но не для продажи, а для нужд церкви. Мирянам как-то не приходила в голову идея завести дома книгу, а если кому-то достаточно богатому и приходила – он нанимал монахов для ее изготовления.

В XIII–XIV веках появились независимые наемные писцы, и книги изготавливали уже в ремесленных мастерских, которые со временем превратились в самостоятельные предприятия, работавшие по заказам частных лиц. Зачатки рынка появляются с развитием университетов, когда возникает необходимость в точном и относительно массовом копировании определенных текстов, чтобы обеспечить студентов и преподавателей учебным материалом. При университетах появляются либрарии, торгующие книгами – но только в локальных масштабах. Например, Парижский либрарий не имел права продавать книги куда-либо еще, кроме самого университета. Только с расцветом городов с XIII века и благодаря постепенной замене пергамента бумагой, которая оказалась в 20 раз дешевле, появляются необходимые условия, и с XIV века уже можно говорить о существовании настоящего книжного рынка[56 - Fischer (2010), 7–9.].

Ситуацию в корне изменило книгопечатание. Сам репертуар изданий не поменялся, но появилась возможность быстро изготовить тысячи идентичных копий – и книжный рынок вышел на новый уровень. Оказалось, тиражи можно продавать не только там, где они печатаются, – да в одном городе и не найдется столько покупателей. Появляются книжные ярмарки, сначала региональные, потом международные. Всего тысяча лет – и международная книжная торговля снова существует! Самой важной ярмаркой Европы стала Франкфуртская, проводящаяся каждые полгода (весной и осенью) из века в век, несмотря на войны и революции, до наших дней. С ней конкурировала Лейпцигская ярмарка, она тоже работает до сих пор. Были и поменьше – в Париже, Лионе, Страсбурге, Любеке. В XVI веке ярмарка в Лейпциге стала проводником Реформации, а Франкфуртская – Контрреформации.

Средневековые библиофилы – очень богатые люди, заказывавшие или покупавшие книги в больших количествах: для образования, в качестве финансового вложения, но в основном – для коллекции. Представители знаменитой семьи Медичи из Флоренции, большие любители книг, заказывали их у торговца Веспасиано да Бистиччи (1421–1498), на которого работали 25 наемных переписчиков. Он же поставлял книги венгерскому королю Матвею I Корвину (1443–1490) – одному из известнейших библиофилов того времени. Но самым известным библиофилом Флоренции XV века был некий Никколо Никколи, потративший все наследство на приобретение и переписку книг. К концу его жизни собрание насчитывало около 800 томов – наследство оказалось крупным. Никколи завещал свою коллекцию городу, с тем чтобы на ее основе была создана публичная библиотека.

Так появилась знаменитая Библиотеки Лауренциана, в создании и пополнении которой активное участие приняло также семейство Медичи[57 - Fischer (2010), 10; Есипова (2011), 259–260.].

Типографы сами продавали свои книги на заре книгопечатания. Но с ростом производства вынуждены были нанимать для этого специальных людей, особенно для торговли в соседних городах и на крупных ярмарках. Иначе времени на типографию просто не оставалось – слишком много приходилось путешествовать. Самые сообразительные из них стали создавать филиалы: бывшие партнеры Гутенберга Фуст и Шёффер открыли книжные лавки в Париже и Анже, Антон Кобергер из Нюрнберга – в Париже, Лионе и Базеле. Для филиала

приходилось нанимать управляющего. И довольно быстро некоторые управляющие пришли к выводу, что никакой шеф им, в общем-то, не нужен: они разбираются во вкусах публики, знают книжный рынок, способны организовать работу лавки. И превратились в самостоятельных предпринимателей, торгующих книгами сразу от многих издателей – так заново родилась профессия книготорговца. Количество книжных лавок стремительно увеличивалось: если в начале XVI века во всей Франции их было около 40, то в 1598 году только в Париже – 235[58 - Fischer (2010), 13–14; Есипова (2011), 260.].

Функции типографа и издателя разделились в первой половине XVI века. Печатник превратился в наемного специалиста, который собирал заказы у разных издателей и получал деньги сразу после поставки тиража клиенту – ему больше не нужно было беспокоиться о продажах. Но это в небольших типографиях. Крупные же, наоборот, стремились объединить в себе как можно больше функций – взять под контроль весь процесс: работа с авторами, печать, переплет, иллюстрации, продажи. Так появились издательские дома: Мануция в Италии, Кобергера в Германии, Этьенна во Франции. Но самым крупным и значительным в эту эпоху стал издательский дом Кристофа Плантена[59 - Fischer (2010), 15–16; Schulz/Hermanns (2006);Ростовцев (2007), т. 3, 25.].

Xerox ALto – первый полностью персональный компьютер в современном понимании, разработанный Xerox PARC в 1973 году: с «рабочим столом», графическим пользовательским интерфейсом, текстовым процессором и редакторами графической информации.

Фирмы, выпускающие первые компьютеры, все делали сами: детали, сборку, программное обеспечение, продажи.

С усложнением рынка и ростом производства произошло своеобразное разделение труда: к примеру, Intel специализировалась на микропроцессорах, IBM собирала компьютеры из комплектующих, Microsoft разрабатывала программное обеспечение. Но в конечном итоге рынок завоевали те компании, которые стремились создавать все сами: «железо», операционную систему, программное обеспечение, а также дизайн продукта, маркетинговые стратегии плюс производство дополнительных новых продуктов, связанных с данной сферой.

Самая успешная из них – Apple, наводнившая своей продукцией потребительские рынки всего мира. А среди сфер деятельности такого гиганта, как IBM, – консалтинг, информационная безопасность, облачные сервисы, искусственный интеллект, серверы и суперкомпьютеры.

Книги XV века, изданные до 1500 года, называют инкунабулами. У историков никак не получается подсчитать точное количество изданий, выпущенное за это время: называются цифры между 24 000 и 40 000, если считать полноценными изданиями листовки и брошюры в несколько страниц; тиражи составляли от 100 до 2000 экземпляров. А вот в XVI веке было опубликовано уже более 240 000 изданий[60 - Wehmer (1933); Brandis (1984); Есипова (2011), 237.]. В это время тон в книгопечатании начинают задавать Нидерланды. Даже под властью испанцев практичным голландцам были свойственны религиозная терпимость, широкие взгляды, стремление к диалогу и готовность печатать разные книги для любых категорий заказчиков.

* * *

Насколько прибыльным оказался книжный бизнес? Библия Гутенберга стоила 100 гульденов в пергаменте и 46 гульденов на бумаге. Переплет и иллюстрации оплачивались отдельно, если заказчик того желал. Иоганн Гутенберг потратил на изготовление тиража 1932 гульдена, а продали его за 9450. Это 500 % прибыли! Но если добавить расходы на основание типографии – той самой первой в мире типографии, около 2000 гульденов – то прибыль составила «всего» 236 %. На почти 4000 гульденов Гутенберг мог купить 40 городских бюргерских домов среднего размера – это к вопросу о капиталоемкости.

Типографы и книготорговцы XVI века в среднем могли рассчитывать на 50 % чистой прибыли, в начале XVII века иногда на 75 %, но часто всего лишь на 25 %. Но в целом владельцы типографий – люди богатые, наиболее успешные из них даже выступали как финансисты, давая ссуды. Даже печатник-подмастерье обычно мог позволить себе завести большую семью и купить дом.

А наборщики вообще были самыми высокооплачиваемыми специалистами позднего XV века! Только к середине XVI века их стало настолько много, что спрос на их труд и его оплата смогли сравниться с другими сложными ремеслами[61 - St?ber (2005), 28–33.].

Чтобы читатель имел представление о том, откуда появилось быстрое богатство первых типографов, поясним: в те времена книга стоила, как дорогой спортивный автомобиль – из тех, по цене которых можно купить неплохую квартиру. Это эксклюзивный товар, предмет роскоши. Одна книга – один крутой спорткар. Когда вышла Библия Гутенберга – она просто взорвала рынок. Сейчас разберемся почему. Но сначала ответим на вопрос: а сколько же все-таки стоили книги?

Его имеет право задать любой человек, желающий представить себе роль печатной книги в информационной революции. Но дело в том, что универсального калькулятора валют тут быть не может. И не стоит верить тем, кто утверждает обратное. Мы не можем сказать, что один гульден тогда – это столько-то рублей, долларов или евро сейчас. Потому что ценность денег определяется их покупательной способностью, а потребительская корзина тогда и сейчас различалась.

Какие выводы о ценности одного гульдена может сделать современный человек, если сообщить ему, что на него можно купить столько-то сена для лошади или столько-то свечного воска? Или мы могли бы объяснить европейцу XVI века, что 10 евро – это коробка дорогих шоколадных конфет, какая-нибудь компьютерная игра в Steam, билет в кино, определенное количество интернет-траффика, подарочный набор гелей для душа… И что ему делать с этой информацией? Но если сказать ему, не вдаваясь в подробности цен XXI века, что на 10 евро можно купить целых две книги? Да это же огромная сумма!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Malanima (2007). Только около 6 % жили в городах с более чем 10 000 жителей. Сто лет спустя – 11 % в городах крупнее 5000 и 7,6 % – с населением более 10 000.

2

Kehm (2015).

3

Rifkin/Harrar (1990); Schein (2003), 38–40.

4

По-французски его имя пишется Christoph Plantin, по-голландски Christoffel Plantijn. Латинская версия – Christophorus Plantinus традиционно транслитерировалась как Христофор Плантен. Однако он был французом, даже в Антверпене говорящим преимущественно по-французски, так что сам себя называл, конечно, Кристофом.

5

Письмо Пьера Порре Кристофу Плантену от 25 марта 1567 года, цитируется по Clair (1960), 236–238.

6

Rooses (1914), 3–8; Clair (1960), 1–6.

7

plebeius homo – из письма дочери Мадлен от 25 декабря 1580 года, цитируется по Voet (1972), vol. 1, 4.

8

Например, Henderson (2012), 177.

9

Wendehorst (1986), 9.

10

Ibid, 27.

11

Wendehorst (1986), 12–18.

12

Houston (2012), 2.

13

Bartnitzky (2016).

14

Bartnitzky (2016).

15

Priestertum aller Gl?ubigen – всеобщее священство – основной принцип лютеранской теологии, заключающийся в том, что каждый член общины в состоянии исполнять обязанности священника и совершать богослужение, поскольку все прихожане должны читать Библию; таким образом, отрицается деление мира на мирян и духовенство.

16

Wendehorst (1986), 24.

17

Wendehorst (1986), 25.

18

Wendehorst (1986); Langereis (2014); Houston (2012).

19

Houston (2012), 3; Langereis (2014).

20

Houston (2012), 3–4.

21

Houston (2012), 3, 12.

22

Wendehorst (1986), 28–30.

23

Wendehorst (1986), 28–30.

24

Langereis (2014).

25

Kaufmann (2017), 25, 34.

26

St?ber (2005).

27

Houston (2012), 16.

28

Houston (2012), 6–9; Bartnitzky (2016).

29

Houston (2012), 14.

30

Tenorth (2014).

31

Houston (2012), 22.

32

Langereis (2014); Houston (2012), 4, 10.

33

Houston (2012), 9.

34

Wendehorst (1986), 32.

35

Houston (2012), 10. Это, на взгляд автора, даже слишком оптимистическая оценка.

36

Wendehorst (1986), 24.

37

Houston (2012), 11.

38

Houston (2012), 19.

39

Ibid, 10–15.

40

Grevet (1985), 609–632.

41

Houston (2012), 23.

42

Wendehorst (1986), 14–15.

43

Wendehorst (1986), 20–22.

44

Wendehorst (1986), 23.

45

Langereis (2014), note 8.

46

Цитируется по Langereis (2014), note 8.

47

Blockmans (2011), 3; Malanima (2007), 5.

48

Blockmans (2011).

49

Malanima (2007), 26.

50

Malanima (2007), 28. Такой рост количества городских жителей в Северных Нидерландах к 1600 году объясняется Контрреформацией и войной: в Южных Нидерландах испанская корона преследовала кальвинистов, так что они побежали на север, дав небывалый толчок экономическому развитию этого региона. Множество жителей покинули Южные Нидерланды также из-за постоянных боевых действий.

51

Langereis (2014), ch. «Abc». Позже Плантен издал путеводитель

Гвиччардини по Нидерландам.

52

Langereis (2014), note 18.

53

Сохранилось письмо Плантена папе римскому Григорию XIII от 9 октября 1574 года, где он объясняет причины своего выбора: «…никакой другой город мира не предлагал таких прекрасных условий для дела, которое я тогда основал.

Для меня было важно, что там легко было торговать и можно было найти все необходимые материалы для моего производства. В Антверпене также можно было найти огромное количество рабочих рук, за короткое время обучив их любому ремеслу, которое только можно себе представить. Кроме этого, мне было ясно, что этот город и регион процветали под властью испанского короля и католической церкви. И, наконец, поблизости находился великолепный университет Лувена с его прекрасными учеными во всех областях, чьи труды я

надеялся печатать для общего блага» (цитируется по Langereis (2014), note 19).

54

Цитируется по Voet (1972), vol. 1, 14–15.

55

Fischer (2010), 4–6; Ростовцев (2007), т. 2, 13–14, 23–25;

Есипова (2011), 53–55.

56

Fischer (2010), 7–9.

57

Fischer (2010), 10; Есипова (2011), 259–260.

58

Fischer (2010), 13–14; Есипова (2011), 260.

59

Fischer (2010), 15–16; Schulz/Hermanns (2006);

Ростовцев (2007), т. 3, 25.

60

Wehmer (1933); Brandis (1984); Есипова (2011), 237.

61

St?ber (2005), 28–33.

Купить: https://tellnovel.com/chepikova_kseniya/chelovek-nauchivshiy-mir-chitat-istoriya-velikoy-informacionnoy-revolyucii

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити